

На правах рукописи

БЕХТЕРЕВ СЕРГЕЙ ЛЬВОВИЧ

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
(РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)**

Специальность: 07.00.02 – отечественная история

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Ижевск – 2004

Работа выполнена в ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»

Научный консультант:

доктор исторических наук, профессор **Галина Витальевна Мерзлякова**

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, профессор

Сергей Николаевич Полторак

доктор исторических наук, профессор

Александр Александрович Попов

доктор исторических наук, профессор

Кузьма Иванович Куликов

Ведущая организация: Казанский государственный университет

Защита состоится « 7 » декабря 2004 г. в 12.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.275.01 в ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет» по адресу: 426034, Удмуртская Республика, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 2.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет».

Автореферат разослан « 26 » октября 2004 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
к. и. н., доцент

Г. Н. Журавлева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Научная значимость и актуальность темы. Для современного мирового сообщества характерна глобализация отношений, детерминантами которых являются, в том числе, предпринимаемые с середины 1980-х гг. попытки реформирования государств бывшего СССР, в первую очередь Российской Федерации (РФ) и ее регионов. Одним из результатов преобразований стала новая модель политической системы, определяющая характер отношений России с зарубежными партнерами, ее место и роль в международном разделении труда. В связи с вышесказанным актуальным представляется научный анализ проблемы становления и функционирования современной российской политической системы, ее возможностей регуляции общественных процессов, внутригосударственных отношений, способности реагировать на глобальные вызовы, в частности, решать вопросы обеспечения национальной и международной безопасности, защиты прав человека, коллективных прав малочисленных коренных народов и т.п.

Особенность современного развития страны состоит в том, что становление гражданского общества и построение «демократического федеративного правового государства» идут одновременно. Поэтому оба процесса тесно переплетаются, а их субъекты нуждаются во взаимной поддержке. Между тем, восприятие российской политической элитой либеральной модели преобразований и неоднозначное отношение к ней населения создают значительные трудности для использования огромного национального потенциала в интересах всего общества. Эти обстоятельства придают поставленной проблеме научную актуальность и практическую значимость.

Задачу осмысления первых результатов преобразований невозможно решить вне регионального аспекта, ибо способность российской периферии к восприятию тех или иных новаций, предлагаемых центром, выступала и выступает критерием их жизнеспособности, с одной стороны, и показателем политической устойчивости самого центра – с другой. Примером тому может служить опыт политического реформирования Удмуртской Республики (УР) как государства в составе России. Удмуртия, входящая в зону средневожских республик, представляет оптимальный объект исследования. По справедливому замечанию ряда авторов, этот регион, с точки зрения межнационального сосуществования, являет типичную территорию РФ. Ибо российская цивилизация сочетает, как минимум, славяно-православную, тюрко-мусульманскую и финно-угорскую традиции. Кроме того, уровень диверсификации политических режимов Среднего Поволжья оказался высок: от «мягкого» – удмуртского до «твердого» – татарстанского¹. Это обстоятельство позволяет, с известным допущением, экстраполировать оценки политических процессов на Россию в целом.

---

¹ Мацузато К. Введение. Некоторые критерии для сравнения политических режимов Татарстана, Удмуртии и Мордовии // Регионы России. Хроника и руководители. Т. 7. Республика Татарстан, Удмуртская Республика, Республика Мордовия. Саппоро, 2000. С. 3–4.

Методологическая основа исследования. Большинство ученых признают Россию самостоятельной цивилизацией. Однако со времен воцарения Дома Романовых она стремилась преодолеть азиатское начало и стать преимущественно европейской державой. Объяснить этот феномен вне модернизационного подхода невозможно. Вместе с тем, для анализа развития России одной теории модернизации недостаточно, так как, например, советская «супериндустриализация» ставила целью догнать и перегнать Запад экономически, развиваясь на антизападной политической основе. Ограниченное использование этого подхода обусловлено и деевропеизацией мировой системы. Поэтому методологическим основанием диссертации является сочетание цивилизационного и модернизационного подходов. Важнейшим методологическим принципом выступает историзм, предполагающий рассмотрение фактов в контексте конкретно-исторических возможностей и общественных реалий.

Современные общественные науки, смежные с историей, оперируют различными методологиями, отраженными в фундаментальных трудах и посвященных отдельным аспектам. Среди первых отметим монографию Ч. Эндрейна «Сравнительный анализ политических систем. Эффективность осуществления политического курса и социальные преобразования»². Предметом анализа выступили системы стран Востока, Западной и Восточной Европы. Ч. Эндрейн выделил четыре типа систем: бюрократический, авторитарный, согласительный и мобилизационный и описал параметры каждого из них. Для решения проблемы механизмов саморегуляции используются концепции «упадка» государства, замещения выполняемых государством функций интернациональными институтами и самоуправляющимися структурами. Наиболее перспективной является конвергенция государственно-центристской и социо-центристской школ.

Для изучения механизмов осуществления политики, функционирования политической системы в УР эффективной представляется методология трех уровней анализа (индивидуальный, государственный, системный), разработанная Кеннетом Волтцем³. Индивидуальный уровень анализа использован для решения вопроса политического лидерства в Удмуртии и его влияния на трансформационные процессы. На государственном уровне анализа исследованы исторические, политические, экономические и идеологические аспекты формирования республиканской модели политической системы. На системном уровне анализа рассмотрены отношения центр – регион, оказавшие влияние на характер, темпы, методы политических преобразований.

При подготовке диссертации, являющейся преимущественно историческим исследованием, использованы социологические методы: контент-анализ, метод включенного наблюдения, связанный с участием

² Эндрейн Чарльз Ф. Сравнительный анализ политических систем. Эффективность осуществления политического курса и социальные преобразования. Пер. с англ. М., 2000.

³ Waltz Kenneth, Man, the State, and War, New York: Columbia University Press, 1959.

автора в политической жизни республики, опытом работы в Аппарате Государственного Совета (ГС) УР, обсуждением социально-политических проблем в процессе преподавания в вузах и научного обмена.

Степень изученности темы. Учеными накоплен значительный опыт в освоении темы современной российской политической системы. Среди обширного круга исторических публикаций выделяются обобщающие труды В. В. Согрина и А. С. Барсенкова⁴. Они провели анализ методологии и историографии проблемы, предложили периодизацию современной российской истории, ранжировали предпосылки перестройки, системно изложили события эпохи, показали в них роль политических акторов.

Научный интерес представляет книга «Политическая история: Россия – СССР – Российская Федерация», подготовленная С. В. Кулешовым, О. В. Волобуевым, В. В. Журавлевым и В. В. Шелохаевым⁵. Второй том охватил историю страны с 1917 г. до середины 1995 г. На документальной основе показано становление, функционирование и крах тоталитарной системы. В очерках «Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал» под редакцией Ю. Н. Афанасьева ученые и общественные деятели совместно с зарубежными авторами попытались осмыслить историческое прошлое России на основе новейших данных и архивных источников. Второй том охватил время с середины 1940-х гг. до начала 1990-х гг. Комплексно показана взаимосвязь событий, характеризующих процессы развития ВПК, местной номенклатуры, теневой экономики, центробежных сил. Значительное внимание уделено вызреванию социального протеста⁶. В целом, книга характеризуется резкой критикой и неприятием политики перестройки.

Заслуживает внимания позиция историка И. Я. Фроянова⁷ в его оценке политики М. С. Горбачева, в которой он следует концепции «сдачи позиций» Р. А. Медведева. Согласно мнению Фроянова, реформирование СССР имело целью крушение социалистической системы. Б. Н. Ельцин продолжил строительство капитализма, способствуя «разграблению» страны Западом. Авторитаризм Горбачева явился подготовительным этапом установления диктаторского властвования Ельцина.

Эволюция общественных отношений в Удмуртии стала объектом исследований в меньшей степени. Лишь на рубеже XX–XXI вв. появились работы, обобщающие становление политической системы в контексте реформирования России⁸. Особое место в среде исследователей, изучающих современную политическую историю Удмуртии, занимает доктор исторических наук К. И. Куликов. Он актуализировал задачу осмысления результатов трансформационных процессов и попытался решить ее в

⁴ Согрин В. В. Политическая история современной России. 1985–2001: от Горбачева до Путина. М., 2001; Барсенков А. С. Введение в современную российскую историю 1985–1991 гг. М., 2002.

⁵ Политическая история: Россия – СССР – Российская Федерация: В 2 т. Т. 2. М., 1996.

⁶ Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал: В 2 т. Т. 2. Апогей и крах сталинизма // Под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. М., 1997.

⁷ Фроянов И. Я. Погружение в бездну. Россия на исходе XX века. СПб., 1999.

⁸ См., напр.: Басов Б. П. Трудное время перемен (Россия в 1991–1994 гг.). Ижевск, 1995.

содружестве с этнологами⁹. Его обобщающий труд «Удмуртия – субъект России (1990-е годы)»¹⁰ посвящен, главным образом, постсоветскому развитию. Введение в научный оборот документов государственных и общественных органов РФ и УР позволило обобщить результаты демократизации и перестройки, показать пагубность либеральных реформ для народов республики.

Региональная историографическая ситуация изменилась с выходом в рамках проекта ЮНЕСКО MOST монографии «Удмуртская Республика. Модель этнологического мониторинга»¹¹. В ней отражено состояние географических факторов, демографии и миграции, охарактеризованы в исторической динамике власть, государство и политика, экономика и социальная сфера, культура, образование, информация, контакты и стереотипы населения, внешняя среда жизнедеятельности УР как государства в составе РФ.

Актуальной для гуманитарной науки стала работа И. В. Егорова и К. Мацузато «Удмуртская Республика. Хроника политического процесса (1988–1999 гг.)»¹². В ней анализируется функционирование парламентской системы как результат горбачевской «десантной политики», ослабившей позиции обкома КПСС и облегчившей переход власти к ВС УР. Другой спецификой республики стало длительное отсутствие нового ядра власти, заместившей роль партийной вертикали под эгидой губернатора (президента).

Философское осмысление этапов модернизации восточных финнов (коми, марийцы, мордва и удмурты) отчасти реализовано в монографии И. К. Калинина¹³. Характерной чертой третьего этапа («возрождение»), начавшегося в конце 1980-х гг., стала конфронтация индивидуализма и национализма, что способствовало и суверенизации республик. Либеральные реформы дискредитировали идеи демократии и подорвали базу национального движения. Их итоги, по мнению И. К. Калинина, оказались удручающими: индивидуализм, поощренный государственной властью, стал для восточно-финских народов таким же «врагом», как и социалистический тоталитаризм.

Очередную попытку системного анализа перемен, произошедших в политической, экономической и культурной жизни УР в 1990–2000 гг. предпринял авторский коллектив (работники государственных и муниципальных органов УР, историки и этнологи) учебно-методического пособия «Удмуртия в годы реформ».¹⁴ Наряду с очевидными достоинствами

⁹ См., напр.: Куликов К. И., Христолюбова Л. С. Этнополитическая ситуация в Удмуртской Республике в 1993 г. // Российская академия наук. Институт этнологии и антропологии. Серия «Исследования по прикладной и неотложной этнологии» с 1990 г. Документ № 73. М., 1994.

¹⁰ Куликов К. И. Удмуртия – субъект России (1990-е годы). Ижевск, 1999.

¹¹ Крылова А., Бехтерев С., Бехтерева Л. Удмуртская Республика. Модель этнологического мониторинга. М., 2000.

¹² Егоров И., Мацузато К. Удмуртская Республика. Хроника политического процесса (1988–1999 гг.) // Регионы России. Хроника и руководители. Т. 7. Республика Татарстан, Удмуртская Республика, Республика Мордовия. Саппоро, 2000.

¹³ Калинин И. К. Восточно-финские народы в процессе модернизации. М., 2000.

¹⁴ Удмуртия в годы реформ: 1990–2001 / Учебно-методическое пособие. Екатеринбург, 2002.

(междисциплинарный подход к изучаемому периоду, комплексный характер документов) издание может вызвать неоднозначное отношение к ряду положений. Так, по оценке авторов, переосмысление страной и республикой исторического прошлого имело положительным результатом возвращение в русло общечеловеческого развития, что достаточно спорно. Анализ современной истории начинается лишь с 1990 г., когда со всей очевидностью выявились пределы внутрисистемной реформации. При этом конечный этап советской истории рассматривается в рамках первого пятилетия 1990-х гг., что затрудняет анализ перехода страны к рыночным базовым ценностям.

Политические отношения в Удмуртии в 1990-е гг. стали самостоятельным объектом исследования С. Н. Уварова. В его работах¹⁵ подтвердилась гипотеза о том, что одной из причин реформ стала бюрократизация советской системы. Переход власти от партии к государственным органам (первый этап реформ, 1988–1991 гг.) облегчался вытеснением партийных чиновников. Второй этап (1991–1994 гг.) характеризовался противостоянием законодательной и исполнительной власти; третий (1995–2000 гг.) завершил эволюцию властных полномочий исполнительных органов. С. Н. Уваров сделал обоснованный вывод о том, что реформы привели к власти радикальных «рыночников». Позитивно оценивая результаты исследования, следует отметить определенный субъективизм оценки реформ, данной через призму политических симпатий.

В следующей группе исследований как центрального, так и регионального уровня, рассмотрены институты советской политической системы. Л. Н. Пономарев и В. В. Шинкаренко в историко-социологических очерках¹⁶ анализируют изменения, произошедшие в Советах, КПСС, общественных организациях, трудовых коллективах с апреля 1985 г. в свете решений партийных съездов. В работах правоведов освещена эволюция конституционного строя СССР и РСФСР, показаны некоторые аспекты деятельности съездов народных депутатов и Верховных Советов¹⁷. Неоднозначна оценка места и роли КПСС в реформах 1985–1991 гг.¹⁸ Разноплановой является историография «неформального движения». Если А. В. Громов и О. С. Кузин, опираясь на программные документы объединений, оценивали самодеятельные движения через призму «актива перестройки»¹⁹, то В. Н. Березовский ставил задачей своих исследований²⁰ изучение формирования механизма включения политических партий в систему

¹⁵ См., напр.: Уваров С. Н. Исторический опыт политического реформирования в Удмуртии в 90-е гг. XX века. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2003.

¹⁶ Пономарев Л. Н., Шинкаренко В. В. В чьих руках колесо истории?. М., 1989.

¹⁷ См., напр.: Авакьян С. А. Конституция России: природа, эволюция, современность. М., 1997; Лукьянова Е. А. Российская государственность и конституционное законодательство в России (1917–1993). М., 2000; Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации. М., 2002.

¹⁸ Оников Л. А. КПСС: анатомия распада. Взгляд изнутри аппарата ЦК. М., 1996; КПСС: взлет и крушение. Компартия России: начало биографии. Современный этап коммунистического движения в России. М., 1999.

¹⁹ Громов А. В., Кузин О. С. Неформалы: кто есть кто? М., 1990.

²⁰ См., напр.: Неформальная Россия: О «неформальных» политизированных движениях и группах в РСФСР (опыт справочника). М., 1990; Березовский В. Н. Российская многопартийность в конце 20 века: процесс возникновения (1987–1991 гг.). Автореф. дис. (научного доклада)... канд. ист. наук. М., 1993.

принятия государственных решений, процесса их институционализации. В 1990-е гг. появились работы, анализирующие возникновение, организационное становление партий и движений, эволюцию их идеологических позиций и собственно политическую деятельность²¹.

История становления региональной модели политической системы нашла отражение в работах Г. В. Мерзляковой. В центре ее внимания оказались, прежде всего, проблемы женского движения²². Научно значимы выводы, подтверждающие мнение лидеров женского движения о снижении социального статуса женщин в эпоху рыночных отношений, что заставляет их формулировать собственные интересы и реализовывать их через политические институты.

Исследовательское внимание привлекли изменения в деятельности Удмуртского обкома КПСС²³, динамика общественного движения²⁴, осуществление конституционной реформы в республике²⁵, социальные аспекты новых общественно-государственных отношений²⁶. В меньшей степени на региональном уровне освоены вопросы эволюции советского управления²⁷, перестройки производственной сферы²⁸, становление органов местного самоуправления²⁹.

Обширную группу публикаций составили исследования российской элиты. В работах представлены современные теории элит, проанализированы некоторые аспекты формирования и взаимоотношения элит центра и

²¹ См., напр.: Партийная система в 1989–1993 годах: опыт становления. М., 1994; Коргунюк Ю. Г., Заславский С. Е. Российская многопартийность (становление, функционирование, развитие). М., 1996. Попов А. М. Становление многопартийности: история и идеология. Ярославль, 1997.

²² См., напр.: Мерзлякова Г. В. Женские общественные движения: история и опыт // Социально-политическое развитие России: проблемы, поиски, решения. Ижевск, 1999; ее же. Состояние женского вопроса на современном этапе // Современные социально-политические технологии. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции 4–5 февраля 1999 года. Ижевск, 1999.

²³ См., напр.: Лущикова С. Л. Удмуртский обком КПСС в 1987–1990 гг. // Актуальные проблемы современной России. Ижевск, 2003.

²⁴ См., напр.: Лущикова С. Л. Основные особенности становления региональной многопартийной системы (на примере Урало-Поволжского региона) // Современные социально-политические технологии. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции 4–5 февраля 1999 года. Ижевск, 1999.

²⁵ См., напр.: Бехтерев С. Л. Конституционная реформа в Удмуртской Республике (1990–2000 гг.) // Российское государство: прошлое, настоящее, будущее. Ижевск, 2001; его же. Институты политической системы в процессе суверенизации субъектов Российской Федерации (на примере Удмуртской Республики) // Социально-гуманитарные знания. 2003. № 6; его же. Становление института президентства в Удмуртской Республике // Регионология. 2003. № 4.–2004. № 1; Войтович В. Ю. Государственность Удмуртии. История и современность. Ижевск, 2003; его же. Развитие правового статуса Удмуртии в составе России. 1920–2000. Ижевск, 2003; Куликов К. И. Объективная и субъективная обусловленность конституционной реформы в России // Российское государство: прошлое, настоящее, будущее. Ижевск, 2001; Пономарев К. А. Трансформация Удмуртии из парламентской республики в президентскую // Российское государство: прошлое, настоящее, будущее. Ижевск, 2001.

²⁶ Королев С. В. Социальная помощь и поддержка населения в России в 90-х годах // Тезисы докладов 5-й Российской университетско-академической научно-практической конференции. Ч. 2. Ижевск, 2001.

²⁷ См., напр.: Ахметов Г. На основе широкой демократии // Пропагандист и агитатор. 1989. № 2, январь; Войтович В. Выражая волю народа. Об изменениях в Конституции СССР и Законе о выборах народных депутатов // Пропагандист и агитатор. 1989. № 1, январь.

²⁸ См., напр.: Воронцов Н. Трудовой коллектив. Что он может // Пропагандист и агитатор. 1986. № 1, январь; Колеватова В. Основа перестройки в экономике // Пропагандист и агитатор. 1987. № 15, август.

²⁹ См., напр.: Ефремова Т. Н., Замостьянова Т. В. Некоторые аспекты теорий местного самоуправления // Тезисы докладов 5-й Российской университетско-академической научно-практической конференции. Ч. 2. Ижевск, 2001.

периферии, характерные для России 1990-х гг.³⁰ Научную и практическую значимость приобрело изучение региональной составляющей элитообразования³¹. В научных трудах А. Б. Бучкина и Л. Д. Фирулевой³² нашли отражение результаты политической реформы конца 1980-х гг., одним из которых стало преобладание в административной системе управленцев, сохранивших номенклатурные «правила игры». Региональный аспект формирования политической элиты рассмотрен в исследованиях Л. Н. Ерохиной, осуществленных при поддержке Института «Открытое общество». Ценным наблюдением данного автора является оценка тяготения республиканской элиты к закрытому, авторитетному, хроно- и логоцентричному типу власти, детерминированное тем, что региональные политики чаще назначались на свои должности, нежели избирались³³.

Значительные результаты в изучении трансформационных процессов, особенно в российских регионах, связаны с этноисторией. Наиболее ценным для рассматриваемой темы представляется опыт исторического финноугроведения, накопленный научными сообществами Удмуртии, республик Коми, Мордовия и Марий Эл. В статьях и обобщающих монографических изданиях детально и всесторонне рассмотрены проблемы адаптации финноугорских народов к условиям реформ, осуществлен анализ современной политической, социально-экономической ситуации, этнополитических процессов, межнациональных отношений³⁴.

Объектом исследования М. Н. Губогло и С. К. Смирновой стало этнополитическое развитие УР в последнем десятилетии XX в. в трех

³⁰ См., напр.: Афанасьев М. Н. Правящая элита России: образ деятельности // *Мировая экономика и международные отношения*. 1996. № 4; Гаман О. В. Региональные элиты современной России как субъекты политического процесса // *Вестник МГУ. Серия 18*. 1995. № 4; Гельман В. Я. Трансформация в России: политический режим и демократическая оппозиция. М., 1999; Крыштановская О. В. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // *Общественные науки и современность*. 1995. № 1; Магомедов А. К. Политические элиты российской провинции // *Мировая экономика и международные отношения*. 1994. № 4.

³¹ См., напр.: Колосов В. А. Курганская область: экономика, партии, лидеры // *Власть*. 1996. № 2; Петров Н. В. Нижегородская область: экономика, партии, лидеры // *Власть*. 1996. № 3; Фарушкин М. Х. Политическая элита в Татарстане: вызовы времени и трудности адаптации // *Полис*. 1994. № 6.

³² См., напр.: Фирулева Л. Д., Бучкин А. Б. Постсоветская политическая элита (формирование, облик, эволюция) // *Социально-политическое развитие России: проблемы, поиски, решения*. Ижевск, 1999; Фирулева Л. Д. Некоторые показательные тенденции развития региональных политических элит // *Международная политэкономия и политические науки в аспекте глобализации (Российский и американский подходы)*. Ижевск, 2003.

³³ Ерохина Л. Н. Формирование облика государственной власти в Удмуртской Республике в 1995–пер. пол. 1998 г. (По материалам местной печати) // *Российская государственность: уровни власти. Теория и практика современного государственного строительства*. Ижевск. 2001. С. 118.

³⁴ См., напр.: *Власть и общество: XX век* // *Научные труды НИИГН при Правительстве РМ*. Т. 1 (112) / Отв. ред., сост. В. А. Юрченков. Саранск, 2002; Дерябин В. С. Коми-пермяки сегодня: особенности этнокультурного развития // *исследования по прикладной и неотложной этнологии*. № 102. М., 1997; *История Коми с древнейших времен до конца XX века*. Т. 2. Сыктывкар, 2004; *Марийский мир: Проблемы национального, социально-экономического и культурного развития марийского народа*. Йошкар-Ола, 2000; *Марийцы: проблемы социального и национально-культурного развития* / отв. ред. Н. С. Попов. Йошкар-Ола, 2000; Напалков А. Д. От Верховного Совета к Государственному Совету Республики Коми. Сыктывкар, 2001; его же. Представительные органы государственной власти Республики Коми: опыт конкретно-исторического анализа. Сыктывкар, 1998; Попов А. А., Нестерова Н. А. Национальный вопрос в Республике Коми в конце XX века (историческое исследование). Сыктывкар, 2000; Юрченков В. А. Мордовский народ: прошлое и настоящее. Саранск, 1999; Таскаев М. Коми национальные политические объединения в XX веке // *Congressus nonus internationalis Fenno-Ugristarum 7. – 13.8 2000 Tartu. Pars III*. Tartu, 2000. S. 208–209.

измерениях: во времени, в пространстве и через призму мобилизованной этничности и формирующейся идентичности³⁵. Политическими сюжетами явились суверенизация, выборы и деинфантилизация. На высоком уровне проанализирована специфика политической организации регионального сообщества. Вместе с тем, дискуссионным остается вопрос обозначения 1990-х гг. как первого постсоветского десятилетия.

Сотрудниками Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН (прежде всего, Г. К. Шкляев, Л. С. Христюлова) и Удмуртского государственного университета (В. Е. Владыкин, В. С. Воронцов, Т. Н. Ефремова) опубликованы материалы этносоциологических исследований³⁶.

Особую группу работ формируют диссертационные исследования. В центре внимания ученых оказались проблемы становления российского федерализма (диссертация Д. Ф. Аяцкова), опыт решения социальных проблем при переходе к рыночной экономике (диссертация М. А. Таранцова), история и идеология партий и движений в России в 1985–1995 гг. (диссертация А. М. Попова), формирование государственной национальной политики в конце 1980-х – 1990-е гг. (диссертация Н. А. Нестеровой). Особый интерес вызывает диссертация Л. Н. Доброхотова «Власть и общество в России в условиях системной трансформации (1985–1998)», где осуществлен анализ общественно-государственных отношений, позволивший вычлнить этапы политического развития и в рамках каждого из них выявить общее и особенное во взаимодействии власти и общества³⁷. Среди региональных работ по историческим дисциплинам выделяется диссертация О. В. Красильниковой, посвященная избирательным кампаниям в Республике Татарстан в 1990-е гг.³⁸ Исследовательское внимание политологов Татарстана привлекли такие темы, как типология политических режимов³⁹, региональные элиты в политическом процессе⁴⁰, трансформация местного самоуправления⁴¹. Научные обобщения исследователей республики позволяют провести компаративный анализ политических систем новейших национально-государственных образований.

В целом, изучение общественной (системной) трансформации в России и ее регионах, одним из результатов которой стала новая модель политической системы, отличается методологическим плюрализмом,

³⁵ Губогло М. Н., Смирнова С. К. Феномен Удмуртии. Парадоксы этнополитической трансформации на исходе XX века. М., 2001; Смирнова С. К. Феномен Удмуртии. Этнополитическое развитие в контексте постсоветских трансформаций. М.–Ижевск, 2002; ее же. Этнополитическое развитие Удмуртии в контексте современных трансформационных процессов в Российской Федерации: Дис. ... д-ра полит. наук. М., 2003.

³⁶ См., напр.: Этнополитическая и этносоциальная ситуация в Удмуртской Республике (сборник информационно-аналитических материалов). Ижевск, 2000.

³⁷ Бюллетень Высшей Аттестационной Комиссии Министерства образования РФ. М., 2001. № 5. С. 20–21.

³⁸ Красильникова О. В. Избирательные кампании в Республике Татарстан (1990–2000 гг.): историко-политический анализ. Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2002.

³⁹ Зазнаев О. И. Типология политических режимов. Дис. канд. полит. наук. Казань, 1993.

⁴⁰ Магомедов А. К. Региональные элиты и региональная идеология в современной России: сравнительный анализ (на примере республик и областей Поволжья): Дис. ... д-ра полит. наук. Казань, 1999; Спирин И. А. Место и роль региональных элит в российском политическом процессе: Дис. ... канд. полит. наук. Казань, 1999.

⁴¹ Носаненко Г. Ю. Трансформация местного самоуправления в российском обществе. Дис. ... канд. полит. наук. Казань, 2001.

комплексным характером, междисциплинарным подходом и разноплановыми оценками исторического развития страны и республики, обусловленными, очевидно, различными ценностными ориентациями исследователей, использованием разнохарактерных источников. В любом случае, односторонне-восторженное либо однозначно-негативное отношение к результатам реформ противоречит диалектическому подходу. Все это вкупе с неравномерностью в изучении составляющих политического процесса оставляет значительное пространство для научного осмысления результатов модернизации.

Целью диссертации является историческая интерпретация становления региональной модели политической системы современной России под влиянием процессов, происходивших в результате ликвидации моногосподства КПСС и изменения основ конституционного строя СССР, РСФСР (РФ) и УАССР (УР) во второй половине 1980-х – 1990-х гг.

В круг исследовательских задач вошли: определение предпосылок, характера, основного содержания этапов становления и развития политической системы УР в сравнении с ситуацией в РФ и ее регионах; анализ правового обеспечения политической реформы; определение места и роли составляющих политической системы в эволюции властных отношений; научное прогнозирование возможных путей, направлений, методов эволюции российской политической системы и ее региональной модели.

Объектом исследования является процесс преимущественно политических преобразований транзитного общества, одним из результатов которых явилась новая политическая система.

Хронологические рамки работы определяются как период становления политической системы современной России (1985–2000 гг.), в границах которого произошли кардинальная перестройка конституционных основ общества, перераспределение полномочий субъектов политической системы, сформировались новые ценностные ориентации. Рубежным выделяется 2000 г., когда с приходом к власти В. В. Путина были созданы предпосылки для унификации системы органов государственной власти в субъектах РФ. В 2000 г. завершился парламентский период в развитии системы республиканской власти, и окончательная победа политического окружения высшего должностного лица УР привела к заметным внутриэлитным перестановкам. 2000 г. оказал существенное влияние и на политическую организацию российского общества, когда в принципе был решен вопрос о разграничении статуса общественного объединения и политической партии.

Региональные границы диссертации составляют преимущественно современную территорию УР как государства в составе РФ. В исследовательском плане Удмуртию, как представляется, можно рассматривать в качестве микромодели России в целом в смысле характера и результатов не только советской модернизации, но и современных процессов трансформации. Поэтому эволюция политической системы УР анализируется в общем контексте событий, происходивших в изучаемый период в СССР, РСФСР (РФ) и ряде российских регионов.

Предметом исследования стали составляющие региональной модели политической системы современной России. В диссертации они рассматриваются в соотношении категорий гражданского общества и правового государства как основных элементов политической системы.

Источниковые возможности изучения современной политической системы России и ее регионов определяются, прежде всего, открытым, формально демократическим характером функционирования основных политических институтов. Поэтому констатируется преобладание опубликованных источников. Их можно ранжировать следующим образом.

К *первой группе* источников следует отнести официальные документы. Их, в свою очередь, можно разделить на три подгруппы. Первую образуют материалы «государственного сектора» политической системы – государственных органов СССР, РСФСР (РФ) и УАССР (УР): законодательные и иные нормативные акты, определившие направления демократизации общественно-политической жизни на завершающем этапе советской истории, заложившие новые политико-правовые основы функционирования политической системы в эпоху рыночных преобразований. Таковые представлены, во-первых, союзной, союзно-республиканской и автономно-республиканскими конституциями, а также декларациями и основными законами вновь созданных в результате распада Советского Союза суверенных республик, отразившими статус институтов политической системы, их иерархию и соподчиненность⁴².

Использованы документы и материалы Президиума Верховного Совета УАССР периода до 1990 г. (ф. Р-620, ЦГА УР) и Ведомственного архива Государственного Совета УР (ВАГС УР).

Во-вторых, в данную подгруппу включаются советские, федеральные и региональные законодательные акты, отражающие правоотношения отдельных видов политических субъектов (Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «Об утверждении положения о добровольных обществах и союзах» от 10 июля 1932 г., Закон СССР «Об общественных объединениях» от 9 октября 1995 г., Федеральный Закон «Об общественных объединениях» от 19 мая 1995 г. и др.), регулирующие общественно-государственные отношения, возникающие при осуществлении избирательного процесса или проведении социальной политики (федеральные законы «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» от 26 июня 1995 г.; «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» от 11 августа 1995 г.; «О профсоюзах, их правах и гарантиях деятельности» от 12 января 1996г.; «О некоммерческих организациях» от 12 января 1996 г.; «О свободе совести и религиозных объединениях» от 26 сентября 1997г.; Законы УР «О культуре», «О народном образовании», «О государственной

⁴² Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1977; Конституция (Основной Закон) Удмуртской Автономной Советской Социалистической Республики. Ижевск, 1990. Конституция Российской Федерации. М., 2000; Декларация о государственном суверенитете Удмуртской Республики // Вестник обкома КПСС. 1990. № 19; Конституция Удмуртской Республики. Ижевск, 1995; Конституция Удмуртской Республики (текст по состоянию на 1 июля 2000 года). Ижевск, 2000.

молодежной политике в Удмуртской Республике», «О постоянных комиссиях Государственного Совета Удмуртской Республики», Постановление Государственного Совета УР «О Концепции государственной национальной политики Удмуртской Республики» и др.). Сюда же стоит отнести указы и распоряжения Президента РФ, постановления Совета Министров (Правительства) УР, органов местного самоуправления, касающиеся конституирования гражданского общества, постановления избирательных комиссий о результатах выборов в государственные и муниципальные органы, опросов и референдумов. Подавляющее большинство документов этой подгруппы опубликовано. В отдельных случаях привлечены материалы Текущего архива Аппарата Государственного Совета УР.

К данной подгруппе примыкают выступления представителей политической элиты, отражающие их взгляды на направления и результаты эволюции властных отношений, в том числе: ежегодные послания Президента РФ Федеральному Собранию, доклады высшего должностного лица УР о положении в УР и др. Исследовательский интерес могут вызвать выступления кандидатов на должности Председателя ГС УР и руководителей постоянных комиссий ГС УР. В последнем случае тексты публикуются ограниченным тиражом и малоизвестны историкам.

Вторую подгруппу составляют документы КПСС – материалы съездов, конференций и пленумов, иных рабочих органов, статьи, речи, интервью официальных представителей партийных учреждений. Выделение данного типа источников определяется особым местом партийной номенклатуры в структурных преобразованиях. Важную роль в изучении эволюции политической системы играют материалы XXVII и XXVIII съездов КПСС, XIX Всесоюзной партийной конференции, определившей основные направления политической реформы, текст последней редакции Программы КПСС. На региональном уровне этот тип источников представлен материалами Удмуртского обкома (рескома) КПСС (КПРФ), раскрывающими осуществление перестройки на местах, изменения в партийно-политической деятельности коммунистов. Значительный интерес представляют информационные, как правило, ежеквартальные материалы о работе бюро и секретариата Удмуртского обкома КПСС в период с конца 1980-х гг. до начала 1991 г.⁴³

Большой пласт партийных источников отложился в Центре документации новейшей истории УР (ЦДНИ УР) (бывший Партийный архив Удмуртского рескома Компартии РСФСР). Они сосредоточены, главным образом, в Ф. 16 «Удмуртский республиканский комитет КП РСФСР, г. Ижевск». Протоколы конференций, пленумов, собраний актива республиканской партийной организации, заседаний бюро и секретариата Удмуртского рескома КП РСФСР, иные виды документов отражают деятельность республиканских коммунистов в организационно-партийной, агитационно-пропагандистской, идеологической сферах, отраслях народного хозяйства, образования и науки,

⁴³ См., напр.: О работе бюро и секретариата обкома КПСС в июле–сентябре 1990 г. // Вестник обкома КПСС. 1990. № 21.

здравоохранения и социального обеспечения, в сфере национальной политики и межнациональных отношений. Особого внимания заслуживают материалы, раскрывающие взаимоотношения коммунистов республики и деятелей неформальных организаций.

Третью подгруппу формируют документы и материалы общественных и политических объединений и их лидеров⁴⁴, отражающие динамику общественного движения. Как правило, материалы этой подгруппы опубликованы. Для выяснения полной картины общественного движения необходимо привлечение документов, отложившихся в архивохранилищах. Так, в списке источников комплектования ЦДНИ УР числятся около 100 организаций (политические партии и массовые движения, объединения национальной, экологической, патриотической, благотворительной направленности, детские и молодежные организации, редакции газет и журналов, учрежденных объединениями). Большая часть из них находится на особом режиме хранения, обусловленном спецификой российского законодательства по архивному делу. В диссертационном исследовании использованы следующие фонды: Ф. 26 «Удмуртская общественная республиканская организация ветеранов (пенсионеров) войны и труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов, г. Ижевск», Ф. 34 «Всеудмуртская ассоциация «Удмурт кенеш» и Всероссийская ассоциация финно-угорских народов, г. Ижевск», Ф. 42 «Татарский общественный центр Удмуртии, г. Ижевск», Ф. 47 «Союз женщин Удмуртской Республики, г. Ижевск», Ф. 70 «Удмуртская молодежная общественно-политическая организация «Шунды» («Солнце») и Молодежная ассоциация финно-угорских народов, г. Ижевск», Ф. 92 «Удмуртский республиканский комитет ВЛКСМ и Удмуртская Федерация молодежных организаций Российского Союза Молодежи, г. Ижевск», Ф. 134 «Общественная организация «Общество русской культуры Удмуртской Республики».

Четвертую подгруппу образуют документы, отложившиеся в результате официальных контактов представителей политической элиты федерального центра и республики. Наибольшее внимание уделено переписке по поводу осуществления административной реформы на местах, в частности, в период конституционного кризиса 1996–1999 гг. в Удмуртии, результаты которого имели огромное значение для государственного строительства в России в целом⁴⁵. Выделяется ряд материалов, отразивших процесс становления в

⁴⁴ Даешь... полмиллиона? (интервью с О. Ю. Поповым, первым секретарем Удмуртского республиканского комитета ВЛКСМ) // Огни Прикамья. 1991. № 3, июль; Устав Союза женщин Удмуртской АССР // Вестник. 1991. № 4, февраль; Независимость профсоюзов – в консолидации. Интервью с председателем облсовпрофа А. М. Фоминовым // Вестник обкома КПСС. 1990. № 9; Материалы Первого Всесоюзного съезда удмуртов. 22–23 ноября 1991 г. Ижевск, 1992; Татарский Общественный Центр Удмуртии: этапы становления (из дневника президиума ТОЦ-Удм.). Ижевск, 1998.

⁴⁵ См., напр.: Ответ Н. И. Морозовой, старшего советника юстиции, начальника отдела по надзору за законностью правовых актов Генеральной прокуратуры РФ А. И. Салтыкову, Мэру г. Ижевска от 14 мая 1996 г. № 7/5-1-803-96 // Текущий архив Аппарата Государственного Совета УР; Ответ В. М. Походина, государственного советника юстиции 2 класса, Прокурора УР А. И. Салтыкову, Главе администрации г. Ижевска от 17 мая 1996 г. № 7-14-96 // Текущий архив Аппарата Государственного Совета УР; Решение Совета Ассоциации экономического взаимодействия областей и республик Уральского региона «О внесении

регионах общественно-государственных систем во второй половине 1990-х гг.⁴⁶ Документы данной подгруппы содержатся в фондах Текущего архива Аппарата Государственного Совета УР. Пятую подгруппу составляют документы, отразившие переписку общественных формирований с представителями государственных и муниципальных органов по вопросам совершенствования механизма управления (преобразование структур исполнительной власти, рекомендации на замещение государственных должностей и т.п.)⁴⁷. Они также находятся в текущих архивах аппаратов Государственного Совета и Правительства УР.

Незаменимым источником изучения формирования новой политической системы являются коллекции материалов избирательных кампаний. В диссертации использована подобная коллекция ЦДНИ УР, Ф. 74 «Агитационно-пропагандистские документы кампаний по выборам Президента Российской Федерации, депутатов федеральных и республиканских органов государственной власти и местного самоуправления, о проведении всенародных референдумов».

Ко второй группе источников следует отнести мемуары. Если на общероссийском уровне этот тип источников представлен довольно широко, то на региональном уровне его составляют, главным образом, единичные воспоминания политических и общественных деятелей того времени⁴⁸.

Большинство исследователей выделяют в *третью самостоятельную группу* такой вид источников, как материалы прессы. Признавая их бесспорную важность для раскрытия новых тенденций в государственной и общественной жизни, заметим, что, как правило, печатные издания отражают позицию субъектов политических отношений. Поэтому их можно рассматривать и в рамках первой группы источников.

Во-первых, это печатные издания, главным образом, газеты, учрежденные государственными и муниципальными органами или с их участием. В них публикуются официальные документы (законы и иные нормативные акты, выступления руководителей страны, республики, муниципальных образований). Для РФ таким официальным изданием стала «Российская газета», для УР – газеты «Удмуртская правда» и «Известия Удмуртской Республики». Во-вторых, это печатные органы общественных объединений, в т.ч. политических партий, например, «Вестник обкома КПСС» – орган Удмуртского обкома КПСС, на страницах которого публиковали свои

изменений и дополнений в законодательство Российской Федерации по вопросам местного самоуправления» от 16 октября 1996 г. // Текущий архив Аппарата Государственного Совета УР.

⁴⁶ См., напр.: Обращение Председателя Политического консультативного Совета при Президенте Российской Федерации И. П. Рыбкина к Председателю Государственного Совета Удмуртской Республики А. А. Волкову от 23 сентября 1996 А7-2-50/03 // Текущий архив Аппарата Государственного Совета УР, вх. № 4814, 26.09.96.

⁴⁷ См., напр.: Ответ М. А. Григорьева, Руководителя Аппарата Правительства Удмуртской Республики на письмо б/н от 20.01.1999 Председателя заседания Секретариата Общественной Палаты Удмуртской Республики Кудрина А. С. от 4 февраля 1999 г. № 7-154-242 // Текущий архив Аппарата Правительства Удмуртской Республики.

⁴⁸ См., напр.: Ветераны Удмуртии (Выпуск второй). Ижевск, 1997; Шишкин М. И. Два года в «Кенеше». Ижевск, 1995; Щукин С. Власть в законе. Б.м., б. г.

официальные документы и общественные формирования ветеранов, женщин, национально-культурные организации⁴⁹. Демократические силы республики имели свой печатный орган – газету «Демократическая Удмуртия»⁵⁰.

В третьих, это печатные издания, которые можно лишь условно назвать «независимыми». На их страницах также публиковались официальные позиции представителей различных групп властной элиты, не обязательно только политической, но их хозяйственной, культурной, научной. Основную массу публикаций составляют условно аналитические статьи, в которых политические процессы предстают в искаженном свете, ибо их авторы принадлежали к различным группам, борющимся за власть. Так, например, позицию «государственников» традиционно отражали газеты «Инфо-Панорама», «Неделя Удмуртии», «Московский комсомолец в Ижевске», позицию «самоуправленцев» – «АиФ Удмуртии», «Ижевск-экспресс» и др. По мере изменения соотношения сил в высших эшелонах власти позиции изданий менялись. Поэтому такой вид источника, как газетная публикация, требует критического отношения и обязательного сопоставления с другими документами. Кроме того, такая публикация является наименее насыщенным достоверной информацией источником.

Четвертую группу источников формируют материалы социологических исследований, проводившихся в рассматриваемый период различными структурами (научными, общественными, государственными). В них отражено отношение определенных слоев населения, представителей элиты (политической, культурной, бизнес-элиты и т.д.) к реформам. Для подтверждения репрезентативности полученных данных этот вид источников также требует обязательного сопоставления со всем комплексом иных материалов.

Научная новизна. В диссертации осуществляется авторская интерпретация на основе междисциплинарного подхода региональной модели политической системы постсоветской России как конкретно-исторического результата политико-экономических преобразований социалистического общества. При этом автор полагает первичной концепцию «цивилизации», а в оценках реформ следует диалектическому подходу. Впервые в региональной историографии подробно рассматривается совокупность нормативно-правовых актов советской эпохи, послужившая одной из исходных ступеней демократизации политической системы. В работе предпринимается одна из первых попыток всестороннего анализа на примере Удмуртии истоков формирования современной политической системы России, начальным этапом которого выступило осуществление политики перестройки различных

⁴⁹ См., напр.: Возвращаясь к истокам. Интервью с председателем Общества удмуртской культуры К. А. Пономаревым. Программа и устав Общества // Вестник обкома КПСС. 1990. № 10, май; Заявление о задачах советов ветеранов Удмуртской Республики в связи с переходом экономики на рыночные отношения // Вестник. 1991. № 3, февраль.

⁵⁰ См., напр.: Заявление о намерениях руководителей политических партий и общественно-политических организаций Удмуртской Республики // Демократическая Удмуртия, еженедельная газета демократических сил Удмуртии. 1991. 14 ноября.

сфер общественной и государственной жизни. Значительное внимание уделяется раскрытию особенностей конституирования общественного движения.

В диссертации и предыдущих исследованиях автора характеризуются основные политические процессы, происходившие в Удмуртии в контексте общероссийской ситуации, прослеживается влияние на них особенностей менталитета населения республики. Детально освещается проведение конституционной реформы в УР, показывается место политических акторов в суверенизации субъекта РФ, выявляется общее и особенное в реформировании системы органов государственной власти, раскрывается роль толерантности как механизма взаимодействия политических элит, влиявшего на сохранение и (или) изменение властных отношений. Продолжается традиция научного анализа взаимоотношений институтов политической системы при осуществлении избирательного процесса как легитимной процедуры формирования выборных государственных и муниципальных органов. Оригинальной представляется методика анализа «политического рынка» не только по формально идеологическому признаку, но и по степени близости (удаленности) того или иного актора к реальной власти. При этом выдвигается авторская гипотеза об относительно автономном развитии государственного и общественного секторов политической системы, что нашло выражение в несовпадении периодизации их становления.

Подробное освещение получили политико-правовые основы взаимодействия субъектов политической системы постсоветской России на республиканском уровне. Впервые в региональной историографии комплексное отражение нашли механизмы и результаты общественно-государственных отношений, в том числе в социальной сфере. Проведенное на основе современных методов и введения в научный оборот нового массива источников исследование позволяет создать цельное представление о региональной модели политической системы транзитного общества, обозначить основные возможные тенденции ее дальнейшей эволюции, определить место и роль различных сегментов политического рынка в осуществлении социальных преобразований.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Политическая система современной России, как явление общественной жизни, имеет строгие историко-культурные и временные рамки, поэтому становится предметом исторического исследования.

2. Исторический характер политической системы определяется в немалой степени взаимообусловленностью законодательной деятельности государства и уровнем развития гражданских институтов. Элементы социума (прежде всего объединения граждан), как правило, стимулируют правотворчество государства, формируя вектор общественно-государственного взаимодействия, которое должно строиться строго на правовой основе.

3. Политическая система современной России является результатом эволюции советской системы организации жизнедеятельности социума и в

силу данного обстоятельства имеет транзитный характер, неся на себе отпечаток «старой системы».

4. По причине неразвитости элементов гражданского общества, невысокой дееспособности общественных объединений ведущую роль во взаимоотношении политических субъектов продолжает играть т.н. «государственный сектор» и представители новой властной элиты, немалую долю которой составляют выходцы из прежней партийно-советской номенклатуры. Это положение представляется особо важным при определении содержания, основных направлений, методов и исполнителей социальной политики.

5. Современный облик политической системы России в значительной степени обуславливается единым федеральным правовым пространством, в рамках которого на местах формируется основа для общественно-государственного взаимодействия, статусным положением самих субъектов РФ и уровнем развития региональных политических институтов.

6. Эволюция политической системы постсоветской России возможна в двух основных направлениях. Первое – стимулирование государством демократических тенденций, выражающееся в повышении доверия общественным структурам при осуществлении внутренней, прежде всего, политики, повышении их статуса, ролевых функций и профессиональной управленческой деятельности. Второе – стимулирование государством авторитарных тенденций, повышение профессионального статуса государственных и муниципальных служащих в сфере социальной деятельности, что, в конечном счете, может быть сведено к политике «просвещенного абсолютизма».

7. По причине невысокой дееспособности общественных структур, воспроизводства многих типичных для советской системы характеристик (номенклатурно-распределительные отношения, особая роль бывлой принадлежности того или иного государственного или муниципального служащего к бывшей советской, хозяйственной, партийной, комсомольской и др. номенклатуре при замещении какой-либо должности), «вымывания» демократических элементов из управленческой сферы, особой политической культуры основной массы населения, а также весьма высокочатратной проблемы обучения общественных работников более реальным направлением развития политической системы современной России в ближайшее время является ее движение к авторитарному типу.

Научная обоснованность и достоверность полученных результатов обеспечивается теоретико-методологической проработанностью проблемы, использованием комплекса методов исследования, введением в научный оборот нового массива источников и результатов работы автора в научных, государственных и общественных органах и организациях.

Практическая значимость. Материалы и выводы, изложенные в диссертационном исследовании, имеют как фундаментальное, так и прикладное значение. Полезными и значимыми для отечественных и зарубежных ученых могут оказаться характеристики региональной модели

политической системы современной Удмуртии, чья внутренняя политика в рассматриваемый период не выходила за рамки общефедеральных принципов. Применение в качестве методологического основания ценностного и модернизационного подходов позволяет соотнести и апробировать различные концепции и методики при анализе российской действительности. Результативным может стать использование материалов диссертации при написании обобщающих трудов по отечественной и региональной истории, подготовке энциклопедий и иного рода справочных изданий. Материалы диссертационного исследования могут быть востребованы при разработке общих и специальных курсов для учащихся различного уровня образовательных учреждений и организаций, при реализации национально-регионального компонента государственного стандарта образования.

Многие положения работы предполагают освоение их в сфере государственного и муниципального управления для определения характера, содержания, методов проведения внутренней политики, взаимодействия УР с другими субъектами РФ. Особую значимость представляет использование выводов в деле сохранения гражданского согласия и осуществления добросовестного партнерства. Материалы диссертации могут быть использованы представителями различных сегментов гражданского общества, экспертами, политтехнологами для совершенствования своих управленческих навыков, а также предотвращения или уменьшения политического риска.

Апробация результатов исследования. Диссертационное исследование является результатом более чем десятилетней работы автора по проблемам современной политической истории России и Удмуртии. Главные его положения отражены в 32 научных публикациях, в т.ч. в двух монографиях, методических материалах учебных курсов «Международная политэкономия и политические науки». Основные выводы и материалы диссертации изложены в выступлениях на международных, всероссийских, межрегиональных и республиканских научных и научно-практических конференциях в Нижнем Новгороде, Казани, Чебоксарах, Саранске, Ижевске.

Идеи, выводы и предложения по совершенствованию общественно-государственных отношений были использованы при анализе этнополитической ситуации в России в целом и Приволжском федеральном округе, в частности, в рамках Центра по изучению и урегулированию конфликтов Института этнологии и антропологии РАН и его регионального отделения, в работе государственных, муниципальных и общественных органов, «круглых столов», конгрессов общественных объединений УР. Они получили апробацию при стажировке диссертанта в Университете Центральной Флориды (США, 2002 г.), осуществлявшейся в рамках гранта Государственного департамента США, в ходе которой проводились научно-образовательные и деловые консультации с преподавателями, студентами, государственными и муниципальными служащими штата Флорида.

Значительная часть диссертационного материала реализована в 5 авторских учебных курсах: «Философия власти», «Политический анализ. Методология и международные отношения», «Мировое политическое

сообщество», «Государственные и общественные отношения в Удмуртской Республике» и «Технология избирательной кампании», которые преподаются на ряде факультетов Удмуртского государственного университета.

Структура диссертации отражает поставленные исследовательские задачи и строится на основе проблемно-хронологического принципа. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения. В текст диссертации включены библиографический список использованной литературы и приложение «Итоги выборов в Государственную думу ФС РФ (1993–1999 гг.)».

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обосновывается актуальность научного анализа темы исследования, определяются его методологические основания, выявляются степень изученности и источники возможности, формулируются цель, задачи, объект и предмет исследования, хронологические и территориальные рамки диссертации.

В первой главе «Советская политическая система и региональные особенности ее эволюции в 1985–1993 гг.» анализируются изменения, произошедшие в основных элементах политической системы на завершающем этапе советской истории.

В разделе 1.1. «Конституционные основы политической системы СССР и главные направления ее демократизации» рассматриваются политико-правовые основы, зафиксировавшие определенный этап в развитии советского общества и ставшие одной из исходных ступеней перестройки. Предпосылки для формирования новой политической системы России были заложены на завершающей стадии советского строя. Испытывая, особенно с середины 1970-х гг., кризисные явления в экономике, идеологии, государственном устройстве, характерные не только для СССР, но и мирового сообщества в целом, новые группы, пришедшие к власти после И. В. Сталина, обнаружили стремление к приспособлению системы к изменившимся условиям. В Конституции Союза ССР, принятой 7 октября 1977 г., СССР объявлялся социалистическим общенародным государством, выражающим волю и интересы трудящихся всех наций и народностей страны.

Политическую основу СССР составили Советы народных депутатов, через которые народ осуществлял государственную власть. Ст. 6 Конституции провозглашала КПСС руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций. Также в политическую систему входили профсоюзы, Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи (ВЛКСМ), кооперативные и общественные организации. Правовой статус последних регламентировался иными нормативными актами, главным образом, Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР «Об утверждении положения о добровольных обществах и союзах» от 10 июля 1932 г. «Положение...» унифицировало работу общественных формирований и подчиняло их

интересы интересам КПСС. Оно имело т. н. разрешительный характер. Соответствующий орган решал вопрос о целесообразности организации того или иного общества, рассматривал состав учредителей, пользуясь правом отвода отдельных лиц из их числа и т.п. Несмотря на декларированные демократические процедуры, советская правовая система охраняла главенствующее положение в обществе КПСС. Новые элементы политической системы («народный фронт», «общественное движение»), оценивались как неконституционные. Вместе с тем, советская законодательная система не была лишена ряда положительных моментов. В частности, «Положение...» предусматривало гарантированную помощь государства общественным объединениям в случае их регистрации.

Существенным элементом советской политической системы являлись трудовые коллективы, которые могли участвовать в планировании производства и социального развития, подготовке и расстановке кадров, решении вопросов управления предприятиями и учреждениями. Однако реально, наряду с остальными элементами системы они рассматривались партийно-политическим руководством, главным образом, как «приводные ремни» от коммунистической партии к массам.

Важное место в политической системе занимали кооперативные организации, прежде всего колхозы. Однако, поскольку основное внимание в диссертации уделено политическим процессам, детальное рассмотрение кооперативов не является самостоятельной задачей исследования.

К середине 1970-х гг. некоторые архаичные формы общественно-государственной жизни подверглись пересмотру. Конституция 1977 г. определила основным направлением эволюции политической системы развертывание социалистической демократии: более широкое участие граждан в управлении делами государства и общества, совершенствование государственного аппарата, повышение активности общественных организаций, усиление народного контроля, укрепление правовой основы государственной и общественной жизни, расширение гласности, постоянный учет общественного мнения. Аналогичные нормы содержала и последняя Конституция Удмуртской Автономной Советской Социалистической Республики (УАССР), принятая в 1978 г.

Ликвидация моногосподства КПСС, переход к многопартийной системе нашли отражение в Законе СССР «Об общественных объединениях» от 9 октября 1990 г., базировавшемся на Всеобщей Декларации прав человека, впервые закрепившей приоритет интересов и прав человека и гражданина над интересами государства⁵¹. Советское государство гарантировало гражданам СССР свободу создания общественных объединений без государственной регистрации. Достижением Закона являлся открытый характер их целей. Гарантом выполнения уставных задач объединений выступало государство.

⁵¹ Резолюция 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН «Всеобщая Декларация прав человека» 10 декабря 1948 г. // СССР и международное сотрудничество в области прав человека. Документы и материалы. С.413–419.

Устанавливались принципы взаимного невмешательства государственных и общественных органов в дела друг друга и согласования интересов. В законе был оформлен статус партий, массовых движений, профсоюзов. Провозглашался принцип их равенства. Принятие Закона СССР «Об общественных объединениях», несмотря на его известную ограниченность, стимулировало развитие общественного движения в постперестроечный период. Политико-правовые основы российской политической системы были заложены Конституцией РФ и иными нормативными актами, принятыми в постсоветскую эпоху.

В разделе 1.2.1. «Советы народных депутатов – политическая основа СССР» анализируется эволюция советского государственного управления. Советы выполняли, прежде всего, представительские функции и отражали социальную и политическую структуры. Так, в Верховном Совете (ВС) УАССР, высшем органе государственной власти автономной республики, избранном 24 февраля 1985 г. в количестве 200 депутатов, рабочие составили 39,5 %, колхозники – 11,5 %, женщины – 39,5%, депутаты в возрасте до 30 лет – 26,5 %, беспартийные – 31 %. В 1986 г. в республике насчитывалось 12 580 депутатов Советов всех уровней. Специфика Удмуртии внесла национальный колорит в систему местных советов. Еще в глубокой древности у удмуртов возникло собрание старейшин или глав родов, названное «кенешем» («советом»). Этот орган деревенской общины подвергался изменениям и как институт сохранился в перестроечные времена. Вместе с тем, демократические процедуры формирования Советов реально носили декларативный характер. С 1930-х гг. политическое руководство стало следовать принципу: один кандидат – один депутат. Выдвижение кандидатов монополизировали партийные комитеты, и выборы фактически обернулись назначением депутатов.

На январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС основной стратегии реформ объявлялась демократизация всех сфер советского общества. Выдвигался лозунг «Больше демократии!». Июньский (1987 г.) Пленум ЦК КПСС отметил, что перестройка переходит в этап практических действий. Его важнейшим мероприятием стала XIX партконференция (июнь–июль 1988 г.), объявившая политической целью перестройки передачу власти от партийных органов Советам. Высшим органом власти провозглашался Съезд народных депутатов СССР, избиравший из своего состава ВС СССР и его Председателя. Республиканские съезды избирали свои Верховные Советы. В декабре 1988 г. был принят новый закон о выборах, отменивший разрядки при выдвижении кандидатов. Вместе с тем обеспечивалось сохранение власти в руках КПСС (1/3 депутатов избиралась от общественных организаций; предусматривалось совмещение партийных и советских постов).

В прошедших 26 марта 1989 г. выборах народных депутатов СССР приняло участие 87,9 % избирателей УАССР. Среди 16 депутатов, избранных от Удмуртии, 14 являлись членами КПСС, каждый второй – рабочий или колхозник, удмуртов – 3, русских – 11, 1 – латыш и 1 – еврей; одна – женщина; двое были избраны от общественных организаций.

Формирование союзных органов государственной власти завершил III съезд народных депутатов (март 1990 г.), отменив ст. 6 Конституции и избрав М. С. Горбачева Президентом СССР. Предстояло формирование высших органов власти республик. Принципиальным отличием республиканского законодательства от союзного стал отказ от образования Съезда народных депутатов УАССР. Выборы 1990 г. охватили все звенья Советов. Большинство избранных депутатов РСФСР составили хозяйственники и интеллигенция. Среди новых депутатов ВС УР стало больше коммунистов и лиц с высшим образованием, а представительство женщин, рабочих и крестьян уменьшилось. Председателем ВС Удмуртии был избран В. К. Тубылов, директор Асановского совхоза-техникума.

Одновременно проходило реформирование исполнительной власти. В соответствии с Генеральной схемой управления народным хозяйством, одобренной ВС УАССР 24 марта 1988 г., осуществлялись перестройка деятельности министерств, исполкомов Советов, переход на двухзвенную систему управления, передача на места значительной части функций. В системе управления были сформированы 5 комплексов: агропромышленный, промышленно-торговый, коммунальный, социальный и строительный. При СМ создавался Экономический Совет как совещательный консультативно-экспертный орган, возглавляемый Председателем СМ. В его состав вошли руководители ведомств, представители общественных, научных организаций. Началось сокращение аппарата управления.

Резкое ухудшение экономической ситуации в стране, утрата союзным правительством контроля над социальными процессами обострили центробежные тенденции. Возросшая популярность Президента РФ и намеченное на 20 августа 1991 г. подписание нового союзного договора вынудили консерваторов во главе с вице-президентом СССР Г. И. Янаевым 19 августа ввести чрезвычайное положение в стране. Попытка государственного переворота не удалась. 21 августа 1991 г. заговорщики были арестованы. В обстановке кризиса Президиум ВС УР взял полномочия государственной власти внутри республики на себя. 22 августа внеочередная сессия ВС УР выразила свое негативное отношение к Государственному Комитету по чрезвычайному положению. Августовские события изменили положение в стране. В декабре 1991 г. главами России, Украины и Белоруссии был подписан договор о ликвидации СССР и создании Содружества независимых государств, подтвержденный на встрече глав 11 бывших союзных республик в Алматы. Завершился «перестроечный» этап реформирования страны.

Начался новый период в существовании России как независимого государства и УР как суверенного государства в составе РФ. Предстояло создать органы государственной власти, выработать Конституцию. На основе согласия между новым российским руководством и партийно-хозяйственной номенклатурой началась либеральная экономическая реформа. Она предусматривала проведение «шокотерапии», включившей введение свободных цен с января 1992 г., либерализацию торговли, приватизацию жилья и государственных предприятий, экономическую стабилизацию в

течение года с подъемом производства. Реформа начала проводиться в условиях усиления структурного кризиса и особенно губительно отразилась на социально-экономическом развитии Удмуртии. В целом по промышленности республики объем производства в 1994 г. составил 48,4 % от уровня 1985 г. Снижение оборонного заказа, огромные затраты на перепрофилирование производств, переподготовку кадров, содержание социальной инфраструктуры привели к ухудшению положения предприятий.

Вместе с тем, внутриэлитное согласие оказалось непрочным. В России возникло двоевластие исполнительной и законодательной ветвей, которое было исчерпано ликвидацией Советов в октябре 1993 г. Президиум ВС и СМ УР признал Указ Президента РФ от 21 сентября 1993 г. «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» неконституционным и взял полноту власти на территории Удмуртии. Однако 7 октября 1993 г. 19 сессия ВС УР приняла решение о досрочных выборах в высшие государственные и муниципальные органы, но только одновременно с выборами Президента России. Такая позиция республиканского руководства надолго определила специфическое отношение «ельцинского центра» к Удмуртии.

События октября 1993 г. знаменовали завершение реформирования советских органов. Были созданы предпосылки для политико-правового оформления новых властных отношений.

В разделе 1.2.2. «КПСС – ядро политической системы советского общества» анализируются изменения в партийно-политической деятельности КПСС. С избранием в марте 1985 г. Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачева начался последний этап в существовании коммунистической партии как ядра политической системы советского общества. Перестройка партийной работы шла по двум направлениям: укрепление власти Генерального секретаря, в т.ч. через своих представителей на местах, и изменение основ партийно-политической деятельности. 13 декабря 1985 г. Удмуртскую областную организацию возглавил П. С. Грищенко. Приход к власти в УАССР бывшего второго секретаря Челябинского обкома КПСС являлся продолжением сформировавшейся еще с начала 1920-х гг. традиции посылки центром «наместников». В отличие, например, от Татарстана, где, начиная с 1960 г. первые секретари обкома КПСС являлись выходцами из региональной номенклатуры⁵², из 16 предшественников Грищенко только двое были местными кадрами.

Значительным изменениям подверглась внутренняя жизнь коммунистической партии. Перестройку должны были осуществить «свежие силы». Несмотря на определенную реорганизацию партийного аппарата в центре партийно-политическая обстановка на местах оставалась консервативной. Партия по-прежнему осуществляла всю полноту политической и административно-хозяйственной власти. Это не соответствовало заявлениям, декларированным XXVII съездом КПСС и XIX партконференцией. В Постановлении Политбюро ЦК КПСС «О проведении

⁵² Спирин И. А. Место и роль региональных элит в российском политическом процессе... С. 105.

отчетов и выборов в партийных организациях в 1989 году» говорилось о необходимости утвердить политические методы руководства, разграничить функции партийных, советских, хозяйственных органов, углубить диалог с общественными организациями.

Отчетно-выборная кампания 1989 г. отличалась открытостью. Впервые в работе партийных собраний в УАССР приняли участие беспартийные, отметившие падение авторитета парторганизаций. Значительно сократился прием в партию. К 1 октября 1990 г. в составе Удмуртской организации находились 83 832 коммуниста, или на 16 078 человек меньше, чем на 1 января 1989 г. Одной из главных причин массового выхода из КПСС стали результаты политики «гласности», когда общество узнало негативные страницы в истории правящей партии. Значительная часть рассталась с партбилетом из-за нежелания выполнять партийные обязанности и уплачивать членские взносы с возросших заработков. Некоторые объясняли свой выход неудовлетворенностью деятельностью администрации по решению производственных и социальных вопросов, ходом перестройки и т.д.

В 1990 г. на XXXIX Удмуртской областной отчетно-выборной партконференции новым лидером Удмуртского обкома КПСС стал первый секретарь Ижевского горкома Н. И. Сапожников. Это характерно и для иных урбанизированных регионов СССР, например, Свердловской области, где в критический для КПСС момент на первый план выдвинулись руководители, более приспособленные к эпохе массовой политики. В соответствии с Уставом КПСС создавалась республиканская организация Компартии РСФСР. В «Политическом заявлении» конференции, базировавшемся на документе XXVIII съезда КПСС «К гуманному, демократическому социализму», коммунисты выступили за содействие становлению Советов; использование права законодательной инициативы в интересах социальной защиты граждан, укрепления экономического суверенитета Удмуртии; сотрудничество с партиями и движениями, стоящими на позициях социалистического выбора. В функциях партаппарата основной упор делался на обеспечение деятельности выборных органов, разработку теоретических вопросов, пропагандистскую работу. В рескоме число освобожденных партийных работников сократилось на 45 %, в горкомах, райкомах и первичных организациях – на 50 %⁵³.

В работах ряда авторов⁵⁴ одной из главных причин кризиса КПСС называется незавершенность реорганизации партии. Однако данное исследование не подтверждает этот тезис. Наоборот, именно в соответствии с решениями XXVIII съезда КПСС на первое место выдвигалась задача обновления партии. Значительное внимание уделялось внутривнутрипартийным вопросам и в деятельности Удмуртского рескома КППРФ. Важнейшими направлениями работы провозглашались парламентская деятельность, работа по месту жительства. Это не подтверждает мнение части исследователей о

⁵³ Антонов В. Реском: новая структура, новые функции // Вестник. 1991. № 3, февраль. С. 2.

⁵⁴ Бутенко А. П. Советская многопартийность: проблема формирования. М., 1991; Лущикова С. Л. Удмуртский обком КПСС в 1987–1990 гг... С. 3–8.

том, что переход к политическим методам работы не предусматривал вывод парткомов за территорию предприятий и учреждений⁵⁵.

Вместе с тем, демократизация партийной жизни не приостановила кризис. Продолжился массовый отток коммунистов, резко сократился прием в партию, снизилась доля рабочих, повысился средний возраст ее членов. Вскоре после событий августа 1991 г. деятельность КПСС в соответствии с Указом Президента РФ от 6 ноября 1991 г. была прекращена.

В разделе 1.2.3. «Общественные объединения» рассматривается эволюция статуса, места и роли организаций граждан, имевших в советской политической системе четкую иерархию. «Боевым резервом» КПСС являлся ВЛКСМ. Его положение резко изменилось с ликвидацией господства коммунистической партии. Демократизация привела к необратимым изменениям. Внеочередная XXI республиканская комсомольская конференция приняла решение о создании новой организации, свободной от влияния политических партий и движений. В декабре 1991 г. образовалась Удмуртская федерация молодежных организаций в составе Российского Союза молодежи.

В ходе перестройки были пересмотрены задачи профсоюзов. В 1989 г. Пленум Удмуртского областного совета профсоюзов определил основными функциями профсоюзных органов социально-экономическую (защитную) и воспитательную. Произошли изменения в системе профсоюзных органов. Переход на двухзвенную структуру (профком предприятия – ЦК профсоюза) позволил упразднить в Удмуртии 6 отраслевых обкомов. Значительным событием в профсоюзном движении стал Учредительный съезд профсоюзов России (март 1990 г.), образовавший Федерацию независимых профсоюзов РСФСР. В 1991 г. в ее состав вошла Федерация профсоюзов Удмуртии.

Новый этап наступил в развитии ветеранского движения. В 1987 г. на базе Совета ветеранов при Удмуртском обкоме ВЛКСМ была утверждена самостоятельная ветеранская организация. В ее работе выдвигались задачи приобщения людей с жизненным опытом к общественно-политическим делам, воспитанию подрастающего поколения, содействию пенсионерам в их трудовой деятельности. С распадом СССР в каждой бывшей союзной республике и субъекте РФ, в том числе в УР возникли свои ветеранские организации. В целях укрепления женского движения летом 1990 г. образовался Союз женщин РСФСР, а 25 декабря 1990 г. – Союз женщин УР. В Уставе определялся его статус как независимой общественной организации, созданной для защиты интересов женщин, повышения их роли в общественно-политической, экономической, культурной жизни. К началу 1990-х гг. в Удмуртии, как и в СССР, действовали также творческие союзы, научные, культурно-просветительные, спортивные, оборонные и другие добровольные общества, органы общественной самодеятельности. В республике насчитывалось около 30 общественных формирований. Однако деятельность большинства из них строилась по старым схемам – сбор

---

⁵⁵ Иванов В. Н. КПСС и власть: департизация органов государственной власти и управления на Южном Урале. Челябинск, 1999; Лущикова С. Л. Удмуртский обком КПСС в 1987–1990 гг... С. 4.

членских взносов и отчет о работе. Трудящиеся с раздражением воспринимали формальное членство и выборы обществ.

В условиях кризиса советской политической системы возникает новое общественное движение. Первый этап в его развитии – «неформальная волна», период формирования политических клубов и рыночной идеологии. Для России – это 1986 – весна 1988 г.; для Удмуртии – 1988–1990 гг. Второй этап – «народные фронты и первые партии». Для России – это весна 1988 г. – зима 1989–1990 гг. Третий этап – «стихийная многопартийность» (зима 1990 г. – август–сентябрь 1991 г.)⁵⁶. В своем развитии в Удмуртии новое общественное движение прошло те же этапы и формы, что и в России. Однако политический процесс в республике имеет особенности. Главные из них: менталитет большинства граждан Удмуртии, характеризующийся консерватизмом мышления, свойственного населению оборонно-промышленного края с его зависимостью от центральных и межрегиональных органов власти; невостребованность государством гражданских функций, полная зависимость жизнедеятельности граждан от ВПК.

Началом «неформального» движения в республике можно считать протест учащейся молодежи (январь 1985 г.) по поводу переименования г. Ижевска в Устинов после смерти Министра обороны СССР Д. Ф. Устинова. Активное конституирование нового общественного движения происходило с весны 1990 г. в ходе выборов народных депутатов. В политическую деятельность были вовлечены экологические союзы Глазова и Ижевска, Ижевское добровольное общество «Клуб гражданской инициативы». Сформировались полярные народные фронты – Ассоциация политических клубов Удмуртии (АПКУ), как демократическая оппозиция КПСС и Объединенный Фронт Трудящихся. На базе АПКУ появилась организация «Движение за демократию», обеспечившая относительный успех демократических сил на выборах в местные органы власти в 1990 г. В ВС УР образовалась депутатская группа «Демократическая Удмуртия».

В 1990 г. на прежней, еще «сталинской» правовой основе в республике образовались первые альтернативные КПСС партии – Социал-демократическая и Аграрно-демократическая. С принятием Закона СССР «Об общественных объединениях» Министерство юстиции УР зарегистрировало региональные отделения Конституционно-Демократической партии (Партии Народной Свободы), движения «Демократическая Россия» и Аграрный Союз Удмуртии. В ряде мест были созданы политические клубы, зачастую формировавшиеся руководством КПСС, стремившимся опереться на общественную инициативу и при этом сохранить контрольную функцию.

С началом либеральных реформ произошел кризис демократического движения. Многие демократы перешли в формирования коммунистической ориентации, организующей силой которых, особенно в Удмуртии, стала КП РФ. Ухудшение материального положения основной массы населения привело к отказу значительного числа граждан от участия в политической жизни.

⁵⁶ Березовский В. Н. Российская многопартийность в конце XX века... С. 11, 14, 17.

На завершающей стадии существования советской политической системы активную роль в жизни общества и государства стали играть национально-культурные организации. Национальное движение удмуртов явилось протестом против нивелировки культуры, формализма в осуществлении национальной политики. Контакты удмуртов с родственными народами, прекращенные в годы культа личности И. В. Сталина, стали регулярными. Для координации удмуртско-финских связей в декабре 1990 г. было создано общество «Удмурткун-Суоми» («Удмуртия – Финляндия»), которое возглавил Председатель ВС УР В. К. Тубылов. Заметную роль в удмуртском национальном движении сыграл К. И. Куликов. Общественный резонанс вызвало его опубликованное в СМИ «Открытое письмо» к первому секретарю Удмуртского обкома КПСС П. С. Грищенко, в котором он дал критическую оценку его политических и деловых качеств. В 1988 г. в Ижевске был открыт Клуб удмуртской культуры, переросший в Общество «Дэмен» («Вместе»). Его председателем стал К. А. Пономарев. Своей главной задачей общество первоначально видело содействие реализации мероприятий КПСС и советского правительства в области национально-культурного строительства. Ряд положений носил политический характер. 22–23 ноября 1991 г. в Ижевске прошел Первый Всесоюзный съезд удмуртов, подготовленный «Дэмен» и активно поддержанный ВС УР. Он признал право за УР добровольного вхождения в состав РСФСР на договорной основе; предложил создать двухпалатный ВС или обеспечить в нем квоту удмуртского народа; возродить кенеш как первичное звено в структуре власти. Съезд считал необходимыми передачу в собственность УР предприятий союзного и республиканского (РСФСР) подчинения, создание фонда удмуртского народа, принятие Закона о гражданстве, ограничивающего «необоснованный приток некоренного населения». Съезд поддержал решение ВС УР о «введении президентской формы правления»⁵⁷ и создал организацию «Удмурт кенеш»⁵⁸, первым Президентом которого стал доктор экономических наук М. И. Шишкин.

С 1989 г. в республике сложились Татарский общественный центр и Общество бесермянской культуры. В 1991 г. возникли Общество русской культуры, Землячество казаков. К концу 1993 г. свои национально-культурные объединения имели евреи и чуваша. Основу их работы составили проблемы сохранения и развития национальной культуры, языка и образования, хотя выдвигались и политические цели.

Оценивая политико-правовые основания демократизации политической организации советского общества, стоит отметить, что Закон СССР «Об общественных объединениях» обеспечил количественный рост общественных формирований. Только в 1992 г. в органах юстиции РФ зарегистрировались свыше 9 тыс. вновь созданных объединений. С момента принятия закона до 1994 г. Министерством юстиции УР были зарегистрированы 86 формирований. Это обусловило развитие законодательства в сфере общественно-политических отношений, стимулировало разработку

⁵⁷ Материалы Первого Всесоюзного съезда удмуртов. 22–23 ноября 1991 г. Ижевск, 1992. С. 35.

⁵⁸ ЦДНИ УР, ф. 34, оп. 1, д. 2, л. 3.

соответствующих государственных программ и появление государственных и муниципальных органов, отвечающих за их реализацию. В свою очередь, расширение правового пространства РФ упорядочило конституирование общественного движения, создав условия для разграничения статуса общественного объединения и политической партии.

В разделе 1.2.4. «Трудовые коллективы» анализируется перестройка производственной сферы как начальный этап внутрисистемной реформации.

Апрельский (1985 г.) Пленум ЦК КПСС выдвинул концепцию ускорения социально-экономического развития страны на основе достижений научно-технического прогресса. Именно с совершенствования производственных отношений было запланировано начать перестройку, не меняя всей политической системы. Главные усилия предполагалось сосредоточить на развитии машиностроения и на этой основе обеспечить подъем других отраслей. Опыт промышленного развития УАССР оказался актуальным. До 1991 г. в Удмуртии действовали 43 машиностроительных предприятия. Их доля в объеме производства составляла 64,7 %. Исторически промышленность республики в межрегиональном разделении труда была ориентирована на сверхвысокую милитаризацию. Оборонные заводы обеспечивали до 80 % поступлений в республиканский бюджет. В выпуске ряда товаров народного потребления предприятия Удмуртии также занимали ведущее положение. Однако к середине 1980-х гг. в промышленном комплексе республики по ряду причин, характерных для экономики страны в целом, наметилось отставание в темпах научно-технического прогресса.

В решении задачи ускорения реформаторы стремились опереться на институты трудового самоуправления, в том числе, структуры Научно-технического общества и Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов. В Удмуртии они обеспечивали 1/3 часть роста производительности труда, более половины экономии материальных ресурсов, не менее 30 % экономии топлива и электроэнергии. Однако в развитии изобретательства и рационализаторства оставалось немало проблем. В 1986 г. в республике впервые произошло снижение результативности новаторского движения по основным показателям. Несмотря на принимаемые меры (создание системы научно-технического творчества молодежи, открытие школ молодого рационализатора в профессионально-технических училищах), тенденция спада новаторского движения сохранилась. В немалой степени она обуславливалась характерными и для других форм трудовой активности (социалистическое соревнование и т.п.) формализмом, бюрократизмом, попытками партийно-хозяйственного руководства подчинить эти движения своему контролю. С переходом предприятий на хозрасчет сократились патентные службы. Рассмотрение законопроекта об изобретательстве затягивалось. Постепенно развитие новаторского движения приобрело чисто общественный характер.

Задача обеспечения промышленного роста решалась одновременно с попыткой укрепления производственной дисциплины. Одним из конкретных шагов в этом направлении объявлялась антиалкогольная кампания,

осуществлявшаяся на основе Постановления ЦК КПСС «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма» от 7 мая 1985 г. и воспринятая первоначально населением. Во дворцах культуры создавались клубы трезвости, стали проводиться безалкогольные праздники и обряды. Появились новые формы работы: дни семейного отдыха, клубы выходного дня, клубы бригадиров, рационализаторов.

В мае 1987 г. ЦК КПСС рассмотрел вопрос о ходе выполнения постановлений ЦК КПСС по преодолению пьянства и алкоголизма. Группа Комитета партийного контроля при ЦК КПСС, работавшая в УАССР, обнаружила парадоксальную картину: усилия партийных, советских и общественных органов привели к обратному результату. Надежды, возлагавшиеся на Всесоюзное добровольное общество борьбы за трезвость, не оправдались. Наметился рост производственного алкоголизма. Удельный вес преступлений, совершенных в нетрезвом состоянии, составил 37,1 % от общего их числа, что оказалось выше, чем по стране и РСФСР. Пьянство стало распространяться среди несовершеннолетних. Наблюдался рост самогонварения. Попытка решения проблемы обычным советским волевым решением провалилась. 25 октября 1988 г. ЦК КПСС принял постановление, в котором признавалось, что радикальных перемен еще не достигнуто. На этом борьба с алкоголизмом закончилась.

Одним из путей кардинального решения вопроса развития производственной демократии должно было стать принятие Верховным Советом СССР 30 июня 1987 г. Закона о государственном предприятии (объединении), утвердившего выборность руководителей всех звеньев на предприятии. В 1987 г. в Удмуртии были избраны 56 директоров, 85 начальников цехов и 115 сменных мастеров. Одновременно Советы трудовых коллективов рассматривались как органы прямого руководства, решающие перспективные задачи предприятия. В 1988 г. в Удмуртии действовало 502 СТК и около 1 тыс. советов подразделений, объединивших 11,7 тыс. человек. Однако лишь 21 % СТК возглавили рабочие, остальные – директора и руководители служб предприятий. В условиях хозяйственной реформы встал вопрос разграничения функций между СТК и профкомом. Поставить четкую границу между ними оказалось невозможно. Перестройка производственных отношений явилась наиболее противоречивым начинанием, результатом которого стала неразбериха в управлении производством, облегчившая проведение приватизации и сохранение власти руководства отраслей, предприятий и т.п. В дальнейшем основные усилия реформаторов сосредоточились на преобразованиях в государственно-партийной системе, сопровождавшихся ухудшением общесоюзной экономической ситуации, разрывом межрегиональных связей, резким спадом производства.

Вторая глава «Институты политической системы и конституционная реформа в Удмуртской Республике» посвящена анализу взаимодействия субъектов политических отношений в государственном строительстве в суверенной Удмуртии, завершившимся включением института президентства в систему органов государственной власти УР.

В своем развитии Конституционная реформа в суверенной УР прошла 5 этапов: с 20 сентября 1990 г. (принятие Декларации о государственном суверенитете УР) до 28 ноября 2000 г. (избрание и утверждение на сессии Госсовета УР новых руководителей ветвей власти в республике). Периодизация основана на следующих факторах: социально-экономическая и политическая обстановка в РФ и ее регионах, вызвавшая в 1990 г. появление новых, нетипичных для бывшего Советского Союза национально-государственных образований; динамика политико-правового обеспечения регионального суверенитета; цели участников реформы; роль центральных органов в региональном конституционном процессе, результаты преобразований. Период эволюции государственного управления в Удмуртии в 1985–1989 гг. является самостоятельным в хронологическом отношении этапом, ибо осуществлялся в рамках советской автономии, а не декларированного суверенитета.

В разделе 2.1. «Провозглашение государственного суверенитета Удмуртской Республики и начальный этап конституционной реформы» показана специфика государственных преобразований в бывшей автономии в условиях кризиса единой системы Советов.

Начальный период реформы (20 сентября 1990 г. – 11 ноября 1993 г.) проходил в рамках советской политической системы, уже подвергнутой значительной трансформации. Региональная суверенизация была вызвана распадом СССР и начавшимися либеральными реформами в экономике и политике. Главным фактором, влиявшим на уровень суверенизации и отношения центр – регион, выступила различная степень самостоятельности республик, краев, областей бывших СССР и РСФСР. Для Удмуртии не были характерны ни экономическая, ни политическая самостоятельность. В политической системе самой республики одну из главных ролей традиционно играли представители ВПК, чей номенклатурный статус приближался к таковому первого секретаря обкома КПСС. Характерные черты элитообразования наложили отпечаток на ход конституционной реформы. 10 октября 1991 г. ВС УР принял Закон «О реформе государственной власти и управления в Удмуртской Республике», утверждавший президентскую исполнительную структуру управления.

С 1992 г. конституционная реформа в регионах продолжала развиваться в условиях противостояния законодательной и исполнительной власти в центре. Правительственный кризис отразился и на Удмуртии. Весной 1993 г. в республике разразился скандал, связанный с нерациональным использованием СМ УР средств внебюджетного фонда стабилизации экономики от реализации нефтяной квоты. В ходе т. н. «нефтяного кризиса» парламент 24 июня 1993 г. отправил в отставку Председателя СМ УР Н. Е. Миронова. 11 ноября 1993 г. ВС УР принял Закон «О Президенте Удмуртской Республики», разработанный в соответствии с проектом Конституции РФ. Однако феномен Удмуртии заключается в том, что реализация модели президентской республики затянулась на 6 лет.

В разделе 2.2. «Реформирование органов государственной власти парламентской республики на постсоветском этапе истории» анализируется конституционный процесс, протекавший в суверенной Удмуртии в политико-правовых границах, определенных Конституцией РФ 1993 г.

Второй этап реформы (1994 г.) начался с принятием Конституции РФ, основные положения которой были внесены в проект Конституции УР. Однако в депутатском корпусе уже отсутствовало единство в вопросе о включении института президентства в систему органов государственной власти по ряду причин. Не были преодолены последствия противостояния федеральных законодательной и исполнительной властей. Чтобы избежать политических потрясений в центре, «ельцинская» Конституция создала уникальную систему управления громадной страной, характеризовавшуюся утвердившимся «указным» правом и чрезвычайными полномочиями Президента. Вывод органов местного самоуправления из системы государственной власти провоцировал раскол элиты регионов. Внутренний фактор определялся результатами правительственного кризиса в Удмуртии, когда новым Председателем СМ УР был избран А. А. Волков, ставший более самостоятельной и независимой от Председателя ВС УР политической фигурой, нежели его предшественник.

С 1994 г. в УР обозначились две основные противоборствующие силы. Одна из них (большинство депутатов ГС УР во главе с А. А. Волковым) взяла курс на совершенствование исполнительной власти. Меньшинство депутатов ГС УР во главе с В. К. Тубыловым, мэрами Ижевска и Воткинска настаивало на сохранении ведущей роли парламента. Расстановка сил, сложившаяся после муниципальных выборов 1994 г., обусловила принятие ВС УР 7 декабря 1994 Конституции парламентской республики. Высшим должностным лицом УР стал Председатель ГС УР. С точки зрения современного управления такая система организации государственной власти представлялась анахронизмом и противоречила, по оценке Председателя Конституционного суда РФ, ряду положений Конституции РФ.

На третьем этапе реформы (1995 г. – 3 марта 1998 г.) был проведен всенародный опрос о введении в республике должности Президента. Удмуртия осталась парламентской республикой. В то же время в большинстве национально-территориальных образований РФ высшее должностное лицо возглавило исполнительную власть. Федеральные органы не вмешивались в начавшиеся внутриэлитные противоречия в регионе, т.к. после «парада суверенитетов» в РФ наступил период «борьбы за сохранение целостности федерации». Одной из его составляющих стало подписание договоров между РФ и ее субъектами. Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти РФ и УР, подписанный 17 октября 1995 г. в Москве, существенно ограничил суверенитет Удмуртии.

Противостояние государственных и муниципальных органов Удмуртии, обусловленное двумя взглядами на систему управления, спровоцировало конституционный кризис, получивший известность в российских

политических кругах и за рубежом. Его результатом стало приостановление, при активной поддержке «самоуправленцев» федеральным центром, действия ряда республиканских законов, регулирующих государственное строительство. Вместе с тем, в 1997 г. в Послании Президента Федеральному Собранию РФ ставилась задача ускорения работы над конституционными законами. В начале 1998 г. большинство депутатов ГС УР выступило с инициативой создания комиссии по подготовке предложений о внесении изменений в Конституцию УР.

Принятие 3 марта 1998 г. Постановления Президиума ГС УР о работе с проектами изменений Конституции УР положило начало *четвертому этапу конституционной реформы* (3 марта 1998 г. – сентябрь 1999 г.). За ее дальнейшее проведение выступила большая часть депутатов ГС УР, отразившая свою позицию в проекте изменений Конституции. Оппозиция в лице меньшинства депутатов ГС УР не представила свой проект. Всю критику она сосредоточила на фигуре Председателя ГС УР как возможного кандидата на должность Президента. Завершение формирования системы государственных органов было возможно только парламентским путем.

В разделе 2.3. «Процесс перехода к президентской модели республики» анализируется конечный этап конституционной реформы, завершившийся включением института президентства в систему органов государственной власти республики.

С подписанием 6 октября 1999 г. Президентом РФ ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» начался новый этап конституционной реформы в России. ФЗ определил, что высшее должностное лицо субъекта РФ избирается всенародно и возглавляет исполнительный орган. *Начался пятый, заключительный этап конституционной реформы в УР* (октябрь 1999 г. – 28 ноября 2000 г.). Он проходил в условиях смены федеральной политики «сдержек и противовесов», проводимой в период правления Б. Н. Ельцина, на усиление вертикальной структуры власти, характерное для политического окружения В. В. Путина. После республиканских выборов 1999 г. произошло усиление «партии Волкова» и ослабление оппозиции, что актуализировало правовую деятельность субъектов политической системы. 24 января 2000 г. сессия ГС УР приняла Постановление о проведении референдума УР по включению института президентства в систему органов государственной власти.

Развернулась работа по подготовке к внеочередным выборам Президента РФ и референдуму. В поддержку президентства выступили основные общественные и политические объединения, фракции ГС УР. В то же время ряд оппозиционных партий и движений в обращении к избирателям Удмуртии предлагали голосовать против президентства в Удмуртии. Усилия оппозиционеров не дали результатов. На выборы Президента РФ и референдум пришли более 70 % граждан, имевших право голоса. За В. В. Путина проголосовали 61,01 % избирателей; 68,80 % участников референдума

положительно решили вопрос о президентстве в УР. Выборы первого Президента Удмуртии состоялись 15 октября 2000 г., в которых приняли участие 50,3 %. Их главным итогом явился выбор населением стабильности и развития, понятий, связанных с именем А. А. Волкова. За него отдали голоса 37,8 % избирателей. 28 ноября 2000 г. на 13 сессии ГС УР, завершившей, на определенном этапе, конституционную реформу, был избран новый руководитель парламента – И. Н. Семенов, бывший глава самоуправления г. Можги. Председателем Правительства стал Ю. С. Питкевич.

Конституционная реформа оказала существенное влияние на экономические, политические, этнокультурные процессы. Она выявила интересы различных социальных групп, их место и роль в реформировании системы управления, становлении гражданского общества, определила перспективные направления развития республики как составной части РФ. Реформа внесла существенные коррективы в понятие «суверенитет», в конструкцию органов государственной власти. Общественно-политическое сознание основной массы избирателей эволюционировало от неприятия к поддержке президентской формы правления, в результате чего УР осталась в едином правовом российском пространстве. На характер и методы реализации принимаемых решений наложили отпечаток типичные черты как высшего должностного лица республики, так и бывших руководителей Удмуртии – лидеров национального движения. Консенсус между элитами достигался и на основе согласительных процедур, и подавления противников. Биполярная система организации высших эшелонов власти в республике сменилась униполярной. «Старая» оппозиция прекратила свое существование.

Третья глава «Субъекты политической системы в процессе формирования новой власти на постсоветском пространстве» посвящена выявлению места и роли политических акторов в становлении новых властных отношений.

При рассмотрении эволюции политической системы постсоветской России и ее конкретного региона необходимо учитывать несколько факторов. Первый – институциональный. Согласно Конституции РФ государственная власть осуществляется на основе разделения и независимости ветвей власти. Местное самоуправление выведено из системы государственной власти и наделено полномочиями. С 1993 г. взаимодействие субъектов политической системы происходит в условиях этапа «функциональной многопартийности», когда партии осуществляют функции в полном объеме. Второй – конструкционный. Формирование выборных органов проходило по разным избирательным системам: смешанная при выборах в федеральные органы и мажоритарная – в органы государственной власти и местного самоуправления субъекта РФ, что на практике не исключало активного в них участия объединений. Третий – идеологический. Выступая одним из решающих в самоопределении избирателей на начальном этапе функционирования постсоветской политической системы, постепенно он утратил значение. Четвертый фактор – политический. Несмотря на принцип равенства субъектов

РФ значительная часть регионов, в частности УР, продолжала оставаться «заложниками» федеральной политики.

В разделе 3.1. «Историко-политическая интерпретация избирательных кампаний федерального уровня» представлена характеристика выборов в федеральные органы государственной власти. Одержав победу над Советами, президентская сторона попыталась закрепить ее всенародно, назначив на 12 декабря 1993 г. выборы в две палаты Федерального Собрания РФ – Совет Федерации и Государственную Думу. Гарантии участия в них получили 167 организаций. Депутатами были избраны представители 8 объединений: Либерально-демократической партии России, «правого» блока «Выбор России», близкой к нему Партии российского единства и согласия, умеренно-реформистского блока «Явлинский – Болдырев – Лукин» (названного впоследствии «Яблоко»), Демократической партии России, движения «Женщины России», КПРФ и Аграрной партии России. От УР в ГД были избраны В. И. Новиков (ЛДПР) и Г. И. Климантова («Женщины России»). В двух одномандатных округах, сформированных в республике, победили кандидаты, ориентированные на умеренно-демократические круги. Региональный аспект выборов показал равновесие коммунистических и либеральных сил. Особое значение для республиканской элиты имели выборы в Совет Федерации. Его членами стали А. А. Волков, поддержанный коммунистами и частью демократов, и В. Н. Подопригора, демократ «первой волны». В голосовании приняли участие 48 % избирателей (по РФ – 55 %). В целом, результаты выборов не выходили за рамки среднероссийских.

Пик партийного строительства пришелся на период подготовки к выборам депутатов ГД 17 декабря 1995 г. Так, в 1995 г. Министерством юстиции УР были зарегистрированы региональные отделения 1 партии (Партия любителей пива), 8 общественно-политических движений и 2 республиканских – «Справедливость» и Республиканский центр поддержки самоуправления (РЦПС). В выборах могли участвовать 273 объединения. Избиратели голосовали по 43 спискам. Результаты выборов на российском и региональном уровнях отразили сходные тенденции. Однако существуют и особенности. В УР места распределились следующим образом: КПРФ; ЛДПР; «Коммунисты – Трудовая Россия – За Советский Союз» и «Женщины России»; АПР; Конгресс русских общин. В одномандатных округах депутатами ГД от УР стали А. В. Солуянов, генеральный директор строительной компании «Град», поддержанный руководством республики, и М. П. Кошкин, бывший министр сельского хозяйства и продовольствия УР, задействовавший административный ресурс и коллективы акционированных сельскохозяйственных предприятий. Всего по УР приняло участие в голосовании 57,9 % избирателей.

Выборы 1995 г. сохранили решающую роль в определении характера политического режима за главой государства и исполнительной власти. Этим фактором определялись выборы Президента России в 1996 г. Избирательная кампания проходила на фоне активного партийного строительства в регионах. Так, в 1996 г. Министерством юстиции УР были зарегистрированы

региональные отделения 2 партий (Российская христианско-демократическая партия и ДПР) и 5 российских общественно-политических объединений. На исход федеральных выборов в республике повлияла новая политическая ситуация, сложившаяся в Удмуртии. И государственники, и самоуправленцы выразили лояльное отношение к кандидатуре Б. Н. Ельцина, который был переизбран на второй срок.

После упрочения исполнительной власти политическая система постсоветской России все больше стала развиваться на основе механизма «управляемой демократии». Его действие проявилось на парламентских выборах 1999 г., к которым РФ и ее регионы подошли с достаточно разветвленной партийной организацией. Так, в 1997–1999 гг. МЮ УР были зарегистрированы отделения 9 федеральных партий и 21 общественно-политического объединения. Новые выборы в ГД состоялись 19 декабря 1999 г. Право участия в них получили 139 объединений. Им воспользовались 26 избирательных блоков и организаций. В выборах от УР приняли участие 50 человек. Из них 30 выдвинулись по 15 из 27 списков и 20 – в одномандатных округах. Пятипроцентный рубеж преодолели 6 объединений. В УР в голосовании приняли участие 61,54 % избирателей. Наибольший процент голосов получила новая «партия власти» – Межрегиональное движение «Единство», КПРФ, Блок Жириновского, «Отечество – Вся Россия», Союз правых сил. Депутатами ГД от УР стали Н. И. Сапожников (по списку КПРФ), Ю. Д. Маслюков, советник генерального директора НИИ Автоматической аппаратуры и С. К. Смирнова, заместитель Председателя ГС УР.

С выборами депутатов ГД 1999 г. и Президента РФ 2000 г. можно говорить о начале нового периода в этапе функциональной многопартийности. Его отличительными чертами стали ослабление коммунистических партий, возрастание роли правоцентристских формирований как опоры президентского режима. Все это свидетельствовало о движении партийной системы России в 2000 г. в направлении создания политической системы западноевропейского типа с доминированием не более двух-трех партий. Эти процессы наблюдались и в Удмуртии.

В 2000 г. партийная система УР была представлена 90 организациями, из них 25 – отделения российских партий, 40 – общественно-политических объединений, 12 республиканских и 13 местных. Среди общественных формирований они занимали около 10 %. Тем не менее, процесс партийного строительства в УР к 2000 г. еще не был завершен. Большинство партий оказались созданы по квази-групповому принципу интересов, для которых идеология не имеет значения. Их задача сводилась к распределению благ между функционерами. Именно поэтому большинство из партий оставались малочисленными. Кроме того, а это характерно и для УР, ввиду неразвитости гражданского общества, определяющее влияние на политическую жизнь в 1990-х гг. сохранили бизнес-элита и обслуживающий ее государственный и муниципальный аппарат.

В разделе 3.2. «Сравнительный анализ выборов в органы государственной власти Удмуртии в 1995–1999 гг.» показаны место и роль

основных групп политической элиты в формировании государственных органов республики во второй половине 1990-х гг.

По мере реализации либеральных реформ сформировались 2 группы элиты: сторонники сохранения парламентской республики группировались вокруг Председателя ВС УР В. К. Тубылова, поборники усиления исполнительной власти – вокруг Председателя Правительства УР А. А. Волкова. 26 марта 1995 г. в Удмуртии состоялись выборы 100 депутатов ГС УР. В них приняли участие 46,9 % избирателей. Команда А. А. Волкова обеспечила 32 места: 20 – от блока «Удмуртия» (Федерация профсоюзов УР, Союз женщин УР, Союз интеллигенции УР, Удмуртский республиканский Совет ветеранов, региональные организации АПР и Социал-демократической народной партии России), 9 – КПРФ, 3 – РКРП. Команда мэров Ижевска и Воткинска получила 6 мест: 3 – от РЦПС, 2 – блока «Свобода. Законность. Согласие» и 1 – Удмуртского представительства Конфедерации деловых женщин России. Главной особенностью выборов стало воспроизводство правящей элиты в высшем эшелоне власти. Мандаты получили 76 % русских (в ВС УР последнего созыва – 61 %), 16 % удмуртов (в ВС УР – 26 %), 5 % татар (в ВС УР – 4,5 %) ⁵⁹. Председателем ГС УР стал А. А. Волков, а Председателем Правительства – П. Н. Вершинин.

Очередные выборы в ГС УР, состоявшиеся 4 апреля 1999 г., отразили результаты перегруппировки сил, произошедшей в 1995–1998 гг. Теперь политическая элита республики условно была представлена командой А. А. Волкова и командой П. Н. Вершинина (антиволковская коалиция). Эволюция властных отношений, проведение выборов на конкурсной основе повлияли на дальнейшее становление политических организаций. В 1997–1999 гг. МЮ УР были зарегистрированы 6 республиканских и 12 местных объединений. Наиболее многочисленную группу депутатов ГС УР составили представители Удмуртского отделения «Отечества», политического базиса А. А. Волкова (30 чел.), другую – представители Ассоциации «Удмурт кенеш», основы оппозиции (14 чел.). Остальные места поделили сателлиты высшего должностного лица – представители Блока промышленников, КПРФ и Движения «Новая сила». А. А. Волков сохранил пост Председателя ГС УР, а П. Н. Вершинин лишился должности Председателя Правительства УР.

С решением вопроса о высшем должностном лице УР были созданы условия для достижения командой А. А. Волкова конституционного большинства в парламенте и завоевания исполнительной власти.

В разделе 3.3. «Субъекты политической системы в процессе формирования органов местного самоуправления» характеризуется место и роль муниципальных органов в реализации политического интереса различных элитных групп региона.

С 1994 г. одной из особенностей развития РФ явилось первоочередное формирование органов местного самоуправления, что не случайно.

⁵⁹ Центральная избирательная комиссия УР сообщает предварительные данные о результатах выборов в Государственный Совет Удмуртской Республики // Удмуртская правда. 1995. 28 марта.

Конституция создала систему сдержек и противовесов, задача которой – поддержание единства и неделимости государства в условиях формального федерализма. Местные органы, особенно столичные руководители, обладая полнотой власти, противостояли государственным органам субъекта РФ и реализовывали интересы центра. Предпосылки для осуществления данной политики начали складываться в Удмуртии в ходе первых муниципальных выборов весны 1994, особенно в столичную Ижевскую городскую думу и мэра г. Ижевска.

Наиболее удачно провели кампанию политические структуры, на базе которых сформировались полюса биполярной системы. Однако на этих выборах элита республики пока выступала единым целым. РЦПС, в будущем базис оппозиции высшему должностному лицу УР, получил 5 мест; будущие союзники А. А. Волкова: Союз женщин УР, Федерация профсоюзов УР и «Советская Удмуртия» соответственно 2, 3 и 2 места. Либерал-реформаторы в лице «Демократической России» получили 3 мандата. КДП (ПНС), вобравшее в себя остатки демократических объединений и беспартийных кандидатов, обеспечило победу одному кандидату и не смогло играть самостоятельную роль в определении муниципальной политики. В выборах участвовало 40,79 % избирателей УР. Столичным мэром остался А. И. Салтыков. Результаты выборов имели негативные последствия. Города и районы оказались вне государственного регулирования. Полномочия глав местного самоуправления оказались неограниченными, что вело к установлению в ряде мест, особенно в Ижевске и Воткинске авторитарного режима. Исход выборов стимулировал складывание биполярной системы на региональном уровне.

Очередные выборы в органы местного самоуправления УР, прошедшие весной – летом 1998 г., отразили новую структуру российской политической системы и ее региональные особенности. Их спецификой стало то обстоятельство, что они проводились не одновременно во всех муниципальных образованиях, а в два этапа. Это объяснялось продолжавшимся конституционным кризисом, обусловленным противостоянием «государственников» и «самоуправленцев».

12 апреля 1998 г. состоялись выборы глав и депутатов муниципальных образований городов УР. Обе группы элиты рассматривали их как «генеральную репетицию» республиканских и федеральных парламентских выборов 1999 г. Сторонники А. А. Волкова не получили ни одного места в Ижевской думе. «Самоуправленцы» были поддержаны аппаратом столичной администрации, влиятельными российскими структурами («Яблоко», «Реформы – Новый курс», «Конфедерация деловых женщин России»), Полномочным представителем Президента РФ в УР. Они победили в 5 округах из 30. А. И. Салтыков подтвердил полномочия мэра столицы. Позиция 25 «беспартийных» депутатов определялась соотношением сил в высшем эшелоне власти республики. Всего в 5 городских думах УР был избран 121 депутат, в том числе, 8 – от Народно-патриотического союза России левой ориентации и 2 – от Союза «Ижевчане», политического базиса «самоуправленцев». 5 июля прошли выборы депутатов представительных

органов местного самоуправления 25 районов УР. Всего было избрано 734 депутата, в том числе, 66 – от НПСР и 1 – от ЛДПР. Выборы имели последствия для административного управления и эволюции регионального сообщества в целом. С одной стороны, ухудшился состав депутатов. Процент не имевших опыта депутатской деятельности колебался от 76,0 % (в городах) до 65,4 % (в районах), что усугубило ситуацию, сложившуюся в результате кризиса августа 1998 г. С другой стороны, выборы доказали независимость муниципальных органов от республиканских. В то же время А. А. Волкову удалось сохранить резервы для парламентской победы весны 1999 г.

Таким образом, формирование политической организации российского общества с 1993 г. осуществлялось на основе долгодействующих экономических, политических, идеологических факторов. Новая элита приватизировала собственность и власть как в центре, так и на местах. Разделение властей на деле обернулось безраздельным господством исполнительной власти, управляющей политическими процессами и подчинившей себе институты гражданского общества.

Четвертая, завершающая глава «Социальный аспект взаимодействия институтов политической системы» анализирует отношения между властью и обществом в сфере социальной политики России и УР 1990-х гг. и в значительной степени обобщает результаты работы автора в общественных и государственных органах.

В разделе 4.1. «Конституционные гарантии общественно-государственных отношений» рассматриваются политико-правовые основы функционирования новой политической системы РФ и ее региональной модели.

Конституция РФ 1993 г. заложила современные основания политической системы и определила характер общественно-государственных отношений. Спецификой нового Основного Закона стало отсутствие понятия «политическая система». РФ провозглашалась демократическим федеративным правовым государством с республиканской формой правления. Демократия увязывалась с признанием высшей ценностью человека, его прав и свобод. Многонациональный народ объявлялся носителем суверенитета и единственным источником власти в РФ, осуществлявшим ее непосредственно и через органы государственной власти и местного самоуправления. Высшим непосредственным выражением власти народа должны были стать референдум и свободные выборы. Одним из основных конституционных прав граждан признавалось право на объединение, в том числе, на создание профсоюзов для защиты своих интересов. Гарантировалась свобода деятельности общественных формирований. Устанавливался принцип их равенства перед законом. Определялись принципы функционирования политических партий как политико-правового института. Закреплялись политическое и идеологическое многообразие и многопартийность.

В отличие от Конституции РФ, Основной Закон УР зафиксировал принцип обеспечения государством соблюдения прав и законных интересов объединений. Он установил режим наибольшего благоприятствования

государства молодежным и детским объединениям. Такая позиция определялась их особым местом в политической жизни республики, выполнявших роль кадрового резерва элиты. Социальная политика УР декларированно носила более коллективистский характер. Важной особенностью Конституции УР стало наделение общественно-политических организаций правом законодательной инициативы в ГС УР.

Конституции РФ и УР послужили исходными документами для установления новых общественно-государственных отношений. Дальнейшая демократизация политической жизни выявила архаичность Закона СССР «Об общественных объединениях». Его сменил ФЗ «Об общественных объединениях» 1995 г. Принципиальным отличием ФЗ от предыдущих явилось снятие ограничения на создание объединений. Широкий спектр общественного движения нашел отражение в ФЗ, зафиксировавшим 5 организационно-правовых форм: основанная на членстве общественная организация и не имеющие такового общественные движение, фонд, учреждение и орган общественной самодеятельности.

Механизм правового взаимодействия субъектов политических отношений заложен, прежде всего, в статье 17 ФЗ «Об общественных объединениях». Основываясь на ней, можно выделить следующие принципы взаимодействия: *принцип взаимного невмешательства* государственных и общественных органов в деятельность друг друга; *принцип гарантий* деятельности общественных объединений со стороны государства; *принцип прямой государственной поддержки* деятельности общественных объединений в формах государственных грантов (целевого финансирования общественно полезных программ объединений по их заявкам); заключения любых видов договоров; социального заказа на выполнение государственных программ неограниченному кругу объединений на конкурсной основе; *принцип согласования общественных и государственных интересов*, исключивший анонимность и государственный произвол в отношении общественных объединений, что было характерно для правоприменительной практики авторитарной системы.

Хотя ФЗ «Об общественных объединениях» стал рубежной вехой в развитии общественно-государственных отношений, он имел ряд сдерживающих моментов. Во-первых, в ФЗ почти ничего не говорилось о принципах взаимодействия муниципальных органов с общественностью. Это связано с тем, что природа, характер, сущность органов местного самоуправления понималась учеными и политиками лишь в общих чертах. Органы местного самоуправления приближались к органу общественной самодеятельности. Во-вторых, не было заказа на уточнение статуса политических партий, что создавало условия для правовых коллизий.

Правовую базу общественно-государственных отношений в рассматриваемый период составили и иные законы. В ряде субъектов РФ (Москва, Санкт-Петербург, Башкортостан, Саратовская, Свердловская области и др.) действовали свои нормативные акты о взаимодействии с общественными объединениями, не противоречащие федеральным. Ряд

законодательных актов Удмуртии также регулировал общественно-государственные отношения. Однако регулирование конституционных прав и свобод, в том числе, права на объединение, составило исключительную компетенцию федеральных органов власти.

Таким образом, переход от авторитарной системы к согласительной, появление независимых от государственных органов субъектов отношений потребовали конституционных гарантий новых общественно-государственных отношений. Несмотря на ряд пробелов, в РФ и большинстве ее субъектов к 2000 г. были созданы необходимые правовые условия для конструктивного диалога элементов политической системы.

В разделе 4.2. «Социальная политика государства и основные направления ее реализации» анализируются результаты совместного участия государственных и общественных структур в осуществлении социальной политики, главным образом, в Удмуртии в 1990-е гг.

В начале переходного периода отечественными обществоведами была разработана концепция «социального государства». Оно характеризовалось как демократическое государство, опирающееся на широкую социальную основу и проводящее активную социальную политику, направленную на повышение жизненного уровня населения, защиту и реализацию прав и свобод граждан, создание современных систем здравоохранения, образования и социального обеспечения, поддержание неимущих и малоимущих слоев, на предотвращение и успешное разрешение социальных конфликтов. Конституции РФ и УР объявили свои государства социальными. Очевидно, что это утверждение представляет собой пока лишь стремление достичь цели. В 2000 г. в УР в соответствии со «Стратегией развития Российской Федерации», принятой Правительством РФ, была разработана концепция программы «Развитие Удмуртии на 2001–2004 годы», определившая основное содержание современной региональной социальной политики. Концептуальный подход обусловлен двумя факторами. Во-первых, в переходный период социальная сфера подвержена кардинальным изменениям. Во-вторых, общественные объединения стали неотъемлемой частью политической системы. Так, по состоянию на 1 января 2001 года МЮ УР зарегистрированы 930 общественных формирований. Их бурный рост, явившийся объективным процессом, свидетельствовал и о кризисе партийно-государственной системы, ибо неспособность депутатов решать конкретные проблемы заставляла граждан объединяться в ассоциации.

Спецификой общественно-государственного взаимодействия в социальной сфере явилось то обстоятельство, что до конца 2000 г. высшим органом государственной власти в УР определялся Госсовет, формировавший направления внутренней политики и регламентировавший участие объединений в ее реализации. Так, на комиссии ГС УР возлагалось рассмотрение предложений общественных объединений; к своей работе они могли привлекать специалистов общественных органов. Практика работы парламента с общественностью показала, что объединения не предложили депутатам ни одного законопроекта. Причины кроются как в низкой

общественной дееспособности, так и пассивности парламента в развитии гражданской активности.

Возможность взаимодействия органов исполнительной власти с общественными объединениями закреплена в положениях о министерствах, комитетах и ведомствах. Общим полем работы государственных и общественных органов явилось совместное участие в бюджетной политике. За годы действия ФЗ «Об общественных объединениях» государственное финансирование формирований граждан получило следующие формы: расходы, связанные с выполнением федеральных законов о ветеранах, инвалидах, детях-сиротах и пр.; государственное финансирование видов объединений (предпринимательские организации, творческие союзы и т.п.); финансирование отдельных формирований; финансирование государственных программ («Молодежь Удмуртии», национальная политика); компенсации некоторым объединениям. В 1990-е гг. целевое финансирование зависело от возможностей бюджета; стратегических установок государственных органов и характера государственной политики в отношении общественных объединений; важности для власти отдельных общественных структур; заинтересованности в осуществлении социальных программ; сложившейся политической конъюнктуры.

В годы реформ в республике сохранился отраслевой принцип взаимодействия государственных и общественных органов по реализации социальной политики. Системный характер взаимодействия носила работа министерств социальной защиты населения, здравоохранения, народного образования, культуры, национальной политики, государственных комитетов по делам молодежи, предпринимательству, по науке, высшему и среднему профессиональному образованию. Общими формами работы с общественностью стали включение объединений в отраслевые государственные реестры, заключение отраслевых соглашений и договоров, различные виды методической помощи, совместное проведение мероприятий.

Материалы диссертации подтверждают мнение, что отношения общественных объединений с органами исполнительной власти оказались выстроены эффективнее, нежели с законодательными, что вполне объяснимо. Реальную помощь общественности могли предоставить только исполнительные структуры, обладавшие ресурсами. Работа же с органами законодательной власти предполагает для общественных объединений видение перспективы своей деятельности и наличие правовой культуры. С 2000 г., с включением института президента в систему органов государственной власти взаимозависимость субъектов политической системы объективно усилилась. Выделяя позитивные результаты взаимодействия в социальной сфере, обратим внимание на ряд неоднозначно оцениваемых положений. Так, спорными представляются огосударствление общественных функций, создание бюрократических структур в виде государственных и муниципальных учреждений и т.п. Деление объединений на «свои» («реестровые») и «чужие» («нереестровые») создает конфликтогенные зоны, что ведет к воспроизводству социальной напряженности, сохранению

объективных условий для коррупции и подчинению структур гражданского общества интересам противоборствующих властных элитных групп.

В разделе 4.3. «Общественно-государственные структуры как институт политической системы РФ» анализируется механизм согласования интересов социума и власти, складывавшийся в рассматриваемый период.

В процессе демократизации советской политической системы и становления Российского правового государства неоднократно предпринимались попытки выработки механизма согласования общественных и государственных позиций. С 1995 г. правовой статус общественно-государственных систем стал определяться ФЗ «Об общественных объединениях», оставившим регионам свободу нормотворчества в этой сфере.

Одной из форм выработки согласованных позиций государственных и общественных органов должен был стать институт общественных палат (ОП). На базе ОП Конституционного совещания 16 февраля 1994 г. была создана ОП при Президенте РФ (с 25 июня 1996 г. Политический консультативный совет (ПКС) при Президенте РФ). К числу ее задач были отнесены: обсуждение федеральных законопроектов; выработка предложений Президенту и Правительству РФ по осуществлению реформ; обсуждение принятых Президентом и Правительством РФ решений и их разъяснение среди населения; информирование Президента РФ о происходящих в обществе процессах, принятие рекомендаций. В первоочередном порядке в состав ПКС вошли партии и движения, имевшие фракции в ГД РФ. В силу сложившегося в то время противостояния между Президентом РФ и основными политическими объединениями деятельность ПКС была «заморожена». В. В. Путин Указом от 8 августа 2000 г. упразднил его.

Во многих субъектах РФ при высших органах государственной власти сформировались общественные палаты или политические консультативные комитеты. К 1999 г. они существовали в 24 регионах⁶⁰. В ряде случаев активно действовали круглые столы. Обычно эти органы создавались в целях реализации указов Президента РФ. Однако существовала и договорная основа. Например, в Саратовской области в 1996 г. был подписан Договор об общественном согласии и для его реализации сформирована ОП при губернаторе. Почти все ОП и ПКС имели рабочие органы. В ряде регионов сопредседателями стали по должности губернатор или руководитель законодательного органа. Широким стал спектр направлений общественно-государственного взаимодействия: обеспечение общественного представительства в подобных структурах; совершенствование механизма государственного управления; совместная законотворческая деятельность; совместная реализация государственных программ; решение конкретных социальных вопросов; совершенствование избирательного процесса;

⁶⁰ Из опыта работы законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Вып. № 7. О практике работы общественных палат при органах государственной власти субъектов Российской Федерации. М., 1999. С. 4.

содействие развитию некоммерческих объединений; информационное сопровождение работы общественно-государственных структур.

Общественно-государственные системы в УР особо динамично стали развиваться с середины 1990-х гг. В 1994 г. был создан Совет неправительственных объединений и государственных органов по координации деятельности в сфере благотворительности и социальной защиты населения при Министерстве социальной защиты населения УР. Основным направлением его работы явилось проведение международных дней пожилых и инвалидов, обсуждение реализации программ поддержки малообеспеченных граждан. 26 сентября 1994 г. во исполнение Указа Президента РФ сформировалась ОП при СМ УР (с 13 марта 1995 г. ОП при Правительстве УР). Основными направлениями ее деятельности провозглашались: доведение до исполнительных органов мнения общественных объединений по решаемым Правительством вопросам; выработка рекомендаций. В функции ОП входила подготовка ежегодных докладов и представление их Правительству УР. В ее состав вошли около 30 объединений. Постановлением Президиума ГС УР от 9 октября 1997 г. образовалась Комиссия по правам человека как консультативный орган при Председателе ГС УР. Одной из ее задач являлось составление докладов о соблюдении прав человека и гражданина в УР. Как показала практика, деятельность этих структур во многом носила декларативный характер.

К концу 1990-х гг. в республике наметился кризис во взаимоотношениях общественных и государственных органов, обусловленный узковедомственным подходом к решению социальных проблем. Выходом из ситуации стало проведение 24 ноября 1998 г. I Конгресса общественных объединений, на котором высшим должностным лицом УР было подписано Соглашение о сотрудничестве между органами государственной власти и управления, общественными объединениями и средствами массовой информации «Партнерство во имя прогресса». Впервые в истории республики общественно-государственные отношения стали строиться на договорной основе. Конгресс образовал Общественную палату УР как консультативный общественно-государственный орган. Основными направлениями ее деятельности были названы: учет мнения общественных объединений, средств массовой информации при принятии решений органами государственной власти республики по актуальным вопросам социальной, культурной, экономической и политической жизни Удмуртии; реализация прав общественных объединений на законодательную инициативу. ОП УР, ставшая одним из мощных инструментов формирования общественного мнения, важным фактором сохранения гражданского мира и межнационального согласия, проявила себя как наиболее эффективная форма взаимодействия государства и общества. В 1999 г. ее деятельность получила высокую оценку Государственной Думы РФ.

Становление общественно-государственных систем стало сложным и противоречивым процессом. В конце рассматриваемого периода эти органы функционировали только в некоторых субъектах РФ. В УР сложилась

отраслевая структура общественно-государственного взаимодействия. Осознание необходимости консолидации политических сил, проявившееся на первом Конгрессе общественных объединений УР, оказалось непрочным. Попытки вывести диалог власти и общества на качественно более высокий уровень оказались неплодотворными в силу их не востребоваемости элитой и низкой дееспособности общественных объединений. Однако создание структур, подобных, например, ОП УР, возможно в будущем для решения политических интересов ограниченного круга лиц. Очевидно, с включением в систему органов государственной власти института президентства подвергнутся организационно-правовым изменениям такие структуры, как Комиссия по правам человека, ОП при Правительстве УР и т.д.

В заключении представлены выводы относительно эволюции, сущности, характера, облика современной политической системы РФ и ее региональной модели.

Как показывает исследовательская практика, в научной литературе отсутствует единство взглядов в определении природы посткоммунистических перемен в РФ. Согласно точке зрения, высказанной, в частности, Т. И. Заславской и разделяемой автором, в конце 1980-х гг. имелся потенциал демократической революции. Однако его перехватила номенклатура, использовав для проведения ряда реформ «сверху» в своих собственных интересах⁶¹. В ряде научных работ ставится под сомнение само переходное (transition) состояние систем посткоммунистических регионов⁶².

Вместе с тем, материалы диссертационного исследования позволяют говорить о том, что новейшая политическая система России явилась результатом эволюции советской организации жизнедеятельности социума и в силу данного обстоятельства носит переходный (транзитный) характер, во многом сохранив в себе черты «старой» системы. В процессе своего становления она прошла три стадии.

Рамки первой определяются пределами внутрисистемной реформации периода перестройки (апрель 1985 г. – 1991 г.), направления которой были заложены конституциями СССР, союзных и автономных республик, принятыми в конце 1970-х гг., и развитыми в законодательных актах рубежа 1980-х-1990-х гг. Учеными достаточно полно изучены причины, вызвавшие необходимость структурных изменений. Они определяются двумя основными факторами: внешним и внутренним. К внешней группе причин отнесены: реакция руководства СССР на новые тенденции развития мирового сообщества, главным образом, вступление стран рыночной демократии в «постиндустриальную» стадию; военно-политическое и экономическое противостояние стран Варшавского Договора и НАТО, обострившее кризис советской экономики, порожденный «гонкой вооружений». Последнее особенно справедливо для Удмуртии, характер промышленности которой

---

⁶¹ См., напр.: Заславская Т. И. О социальном механизме посткоммунистических преобразований в России // Социс. 2002. № 8. С. 3–4.

⁶² См., напр.: Уайт С. Еще раз о посткоммунистической транзиции // Социс. 2003. № 11. С. 23.

остается милитаризованным. Внутреннюю группу причин составили изменения в социально-экономическом положении страны, вызванные истощением экстенсивных методов, формировавшие условия для перехода от мобилизационного к инновационному типу развития, предполагавшему децентрализацию принятия управленческих решений. Они повлекли трансформацию идеологии и номенклатуры. При определении влияния внутреннего фактора на эволюцию региональной модели политической системы следует учесть особенности экономико-географического, политического, социального, этнокультурного развития УАССР: наиболее типичный регион бывшего Советского Союза с гипертрофированным ВПК, неразвитостью местных отраслей промышленности и сельского хозяйства; почти полная зависимость республиканской номенклатуры от центральных и межрегиональных властных структур; консерватизм мышления основной части населения.

Выявившееся уже в 1987 г. отсутствие позитивных результатов демократизации производственной сферы как начального этапа перестройки, во многом объяснявшееся патерналистско-социалистическими стереотипами мышления руководителей и рабочих, обусловило необходимость политической реформы. Были расширены демократические формы советского народовластия. Активное участие в альтернативных выборах новых, нетипичных для страны общественных движений изменило облик органов государственной власти всех уровней. Специфика государственных преобразований в Удмуртии заключалась в отказе от формирования Съезда народных депутатов. Как и прежде, в 1990 г. был избран ВС УАССР. Ослабление партийного влияния сделало невозможным осуществление политики совмещения должностей первого секретаря и главы представительного органа власти в Удмуртии, что ускорило переход власти к парламенту.

Для последующего периода (1989–1991 гг.) характерно нарастание антикоммунизма. Принятие частной собственности, многопартийности, полиидеологии формировало надежды на выход из кризиса. Стремление части руководства страны в августе 1991 г. приостановить данный процесс окончилось неудачей, что во многом объясняется отсутствием поддержки на местах. Хотя руководство Удмуртии выявило неоднозначное отношение к деятельности ГКЧП, обстановка в республике осталась стабильной. Поражение консерваторов и крушение СССР активизировали процесс суверенизации национальных республик, входящих в РФ. Единая советская система организации государственной власти прекратила свое существование, что привело к разрушению народнохозяйственных связей. Особенно отрицательно это сказалось на экономическом развитии Удмуртии, промышленность которой во многом была ориентирована на исполнение союзного и союзно-республиканского государственных заказов. Декларированный осенью 1990 г. суверенитет республики, неоднозначно воспринятый населением, в отличие от некоторых других национально-государственных образований (Татарстан, Башкортостан), оказался

неподкрепленным экономически, что в значительной степени определило специфику договорных отношений Удмуртии с федеральным центром.

Заметные изменения произошли в партийно-политической деятельности КПСС. Развитие гласности, распространение альтернативности выборов на партийные организации, начавшееся освобождение партии от хозяйственных функций стали характерными чертами и в работе Удмуртской организации КПСС (КПРФ). Вместе с тем, как свидетельствуют документы, новации партийного центра осваивались здесь медленно, непоследовательно. Особенно тяжело местные партийные органы расставались с производственными функциями. Ввиду длительного отсутствия оппозиции, крайне неумело республиканские коммунисты определяли свое взаимодействие с появившимися демократическими формированиями. По мере усиления распада КПСС, нарастания антикоммунистических настроений в обществе, в деятельности Удмуртской организации КПСС наблюдается усиление критики вышестоящих партийных органов. Демократизация внутрипартийной жизни, сопровождавшаяся ослаблением партийного влияния на государственное устройство, повышением роли и самостоятельности исполнительных структур власти привели к утрате КПСС ведущей и направляющей силы общества, что повлекло ее распад как партии «авангардного типа».

В перестроечный период значительный динамизм был придан общественному движению. Однако в Удмуртии наблюдалось запаздывание в дифференциации субъектов политического процесса. Претерпели кардинальные изменения «огосударствленные» организации. Освободившись от партийного влияния, они самостоятельно определяли свои цели, что объективно повышало интерес граждан к этим структурам, расширяло их социальный состав. Либерализация законодательства способствовала усилению влияния «неформальных» объединений, национальных формирований. Особенностью их деятельности явилось активное участие в конституировании демократических институтов представительной власти.

Рамки второй стадии в становлении современной политической системы определяются начальным периодом рыночных реформ (1992–1993 гг.). Осознав невозможность своего дальнейшего существования на основе социалистического выбора, партийно-советская номенклатура легко восприняла идеи рыночной демократии, озвученные оппозицией, и на волне гражданской активности сама начала воплощать их в жизнедеятельности заново формирующегося общества. В ряде промышленно развитых центров страны, в том числе и в Удмуртии, определяющее место в реформах занял директорат оборонных заводов и топливно-энергетических предприятий. При сохранившейся тенденции монополизации власти в исполнительных структурах, партийные чиновники оперативно перешли «на хозяйственную работу», оставив демократическим объединениям поле парламентской деятельности. На формирование облика новой элиты Удмуртии существенное влияние оказал широкий спектр общественных объединений, выступивших базисом властных групп. Это обстоятельство вкупе с традиционным методом решения вопросов директоратом, главным образом, с центральным

руководством, с выявившимися разногласиями в элитной среде по осуществлению конституционной реформы повлияло на длительное сохранение парламентской традиции в государственном устройстве республики. Все вышеперечисленные факторы наряду с ликвидацией представительных органов советской власти в октябре 1993 г. предопределили изменение облика «старой системы». Были созданы условия для ее превращения в «согласительную», перехода к формально демократически организованной политической системе, новым общественным отношениям, либеральным базовым ценностям, на долгие годы определившим вектор развития РФ и ее регионов.

Рамки третьей стадии становления современной политической системы (1994–2000 гг.) определяются, на наш взгляд, либерально-демократическими основами государственного строя России и субъектов РФ, а также политической организации общества, заложенными в конституциях 1993–1994 гг., развитыми в законодательных актах второй половины 1990-х гг. и действующими в современных правоотношениях субъектов политического рынка.

Рассматривая в качестве предмета исследования региональную модель новейшей политической системы России, сложившуюся к 2001 г., следует выделить основные ее черты, характерные для УР. Позитивными моментами являются: наличие законов, регламентирующих функционирование политической организации регионального сообщества; наличие субъектов политических отношений в лице государственных и муниципальных органов, объединений граждан, СМИ; консерватизм большинства граждан УР, способствующий сохранению преемственности в развитии и позволяющий избегать революционных методов реформирования; позитивное отношение избирателей к включению института президента в систему органов государственной власти УР; попытки привлечения государственными и муниципальными органами объединений граждан к осуществлению социальной политики в ряде ее сфер.

Вместе с тем, выделяется группа характеристик, которые могут восприниматься неоднозначно. Они суть следующие: несовершенство российского и недостаточность республиканского законодательства, регулирующего взаимодействие субъектов политического рынка, препятствующее использованию потенциала партий и движений в выработке общенациональной идеи; ограниченный (до принятия в 2000 г. новой редакции Конституции УР) объем полномочий высшего должностного лица УР как руководителя представительной власти, создавший традицию относительной независимости исполнительной власти, превращения Председателя Правительства в самостоятельную политическую фигуру и использования им партий и движений для повышения своего статуса (с включением института президентства в систему органов государственной власти эта традиция во многом исчерпана); мажоритарная система выборов в ГС УР, ограничивающая участие объединений в избирательном процессе; «огосударствление» функций общественных объединений при их

количественном росте, ведущее к сокращению сфер общественной деятельности, конфликтным ситуациям между государственными или муниципальными и общественными органами; ликвидация государственной системы политического просвещения и как результат – специфическая политическая культура лидеров объединений, ограничивающая развитие конструктивного диалога; незавершенность формирования многоукладной экономики как основы демократической системы и как следствие этого – организационная слабость большинства политических объединений; недостаточная государственная и муниципальная поддержка малого и среднего бизнеса как фундамента гражданского общества, основы партий и движения демократической ориентации; слияние политических и экономических структур, способствующее появлению олигархических групп; осуществление политических функций рядом национально-культурных объединений, препятствующее этнической консолидации и создающее условия для воспроизводства этнополитической напряженности (с принятием в 2001 г. ФЗ «О политических партиях», исключившего возможность создания политических организаций по национальному признаку, эта проблема в значительной степени решена).

Исходя из этих характеристик, основополагающей целью развития регионального сообщества может являться формирование политической системы, гарантирующей реальное участие граждан и их объединений в управлении обществом и государством. Последовательное решение предлагаемой цели может привести к следующим результатам: наличие национально-республиканской идеологии, определяющей ориентиры развития УР, понятной населению и используемой в деятельности государственных и муниципальных органов; смешанная система выборов в ГС УР; принятие законов УР, регулирующих общественно-государственные отношения; повышение эффективности деятельности общественно-государственных институтов; создание системы государственных, муниципальных и негосударственных учреждений и организаций политического просвещения; создание в структуре государственных и муниципальных органов подразделений в целях оперативного взаимодействия с общественными объединениями и политическими партиями; развитие кооперации в работе общественных объединений; увеличение количества региональных структур международных, федеральных и межрегиональных объединений; дальнейшее развитие республиканских общественных объединений.

Вышеобозначенные характеристики региональной модели новейшей политической системы, ее возможные основные результаты эволюции могут быть применимы к стране в целом. Ибо современный облик политической системы России в значительной степени обуславливается единым федеральным правовым пространством, в рамках которого на местах формируется основа для общественно-государственного взаимодействия, статусом самих субъектов РФ и состоянием региональных политических институтов.

Очевидно, что более чем 15-летний опыт новых общественно-государственных отношений в России противоречив. Проведенное диссертационное исследование подтверждает выдвинутую автором гипотезу об относительно автономном развитии государственного и общественного секторов политической системы, что объясняется разным уровнем их самоорганизации. Оригинальная методика анализа современного российского и регионального «политического рынка» позволяет говорить о конформизме как характерной черте взаимоотношений власти и общества, что значительно сужает выбор возможных путей дальнейшего развития страны и ее регионов. Монополизация полномочий и ресурсов в исполнительных органах, осуществление политических функций на основе «управляемой демократии» в немалой степени ограничивают легитимность современной российской власти (что выражается в увеличивающемся абсентеизме и протестном голосовании) и препятствуют свободному развитию институтов гражданского общества. В силу вышеизложенного новейшая политическая система все больше приобретает авторитарный характер, во многом утрачивая приобретенные ранее демократические традиции.

Независимо от возобладания авторитарных или демократических тенденций, главным результатом эволюции новейшей политической системы, как представляется, должно стать преодоление кризисных явлений политического развития, сокращение сроков пребывания системы в переходном («транзитном») состоянии, формирование ее облика, соответствующего историческому статусу России как великой державы и равноправного актора современного мирового сообщества.

В силу того, что современная политическая система России носит транзитный характер, сохраняется значительное пространство для дальнейшего изучения исследуемой темы. Неоднозначны оценки результатов политико-экономических преобразований, характера установившегося в России режима. Автор определяет его как постсоветский режим, осуществляемый на основе моногосподства исполнительной власти и «управляемой демократии».

Большое исследовательское поле обнаруживается в сфере политической организации общества. Пристальное внимание ученых и общественности обращается, в частности, на процесс становления «партий власти». Так, в выступлении В. В. Путина при представлении Послания Федеральному Собранию РФ от 8 июля 2000 г. говорилось о том, что «не нужны очередные чиновничьи партии, прислоняющиеся к власти...»⁶³. Однако современный опыт партийного строительства диссонирует с данным взглядом на проблему.

Дискуссионным является вопрос степени влияния структур гражданского общества на принимаемые государственные решения. Практика общественно-государственного взаимодействия, в том числе личный опыт автора показывают, что роль общественных объединений становится более

---

⁶³ Какую Россию мы строим. Выступление В. В. Путина при представлении ежегодного послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 8 июля 2000 года, г. Москва // Российская газета. 2000. 11 июля. С. 3.

значимой в ряде сфер социальной политики (социальная защита населения, молодежная, национальная политика, охрана окружающей среды). Наименьшая степень общественного влияния, по нашему мнению, проявляется в сфере экономической, кадровой политики и избирательного процесса.

Актуален всесторонний анализ места и роли коммерческих объединений, бизнес-элиты в современных политических процессах. Проблематичными остаются обеспечение представительства титульных наций в государственных и муниципальных органах власти национальных республик, разграничение полномочий федеральных и региональных органов государственной власти.

В любом случае, научное решение этих проблем должно осуществляться строго на документальной основе, с использованием таких методов и методик, которые обеспечили бы достоверность предполагаемых результатов.

Список основных публикаций автора по теме диссертационного исследования

Монографии и учебно-методические издания

1. Бехтерев С. Л. Политическое развитие Удмуртии на завершающем этапе советской истории. Монография. Ижевск: Издат. дом «Удмуртский университет», 2004. 199 с.

2. Бехтерев С. Л., Бехтерева Л. Н., Крылова А. С. Удмуртская Республика. Модель этнологического мониторинга. Монография. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2000. 144 с.

3. Бехтерев С. Л., Волков А. Я., Садри Х. и др. Методические материалы учебных курсов по программе «Международная политэкономия и политические науки». Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 2003. 228 с.

Научные статьи и публикации

4. Бехтерев С. Л. Особенности менталитета населения Удмуртской Республики и его влияние на развитие современных политических процессов // Актуальные проблемы политического и социально-экономического развития страны. Тезисы Всероссийской научной конференции. Казань, 1993. С. 25–26.

5. Бехтерев С. Л., Сергеев В. И., Трофимченко В. Н., Храмцов А. А. Современные политические процессы в Удмуртской Республике // Политические партии: теория и практика. Чебоксары, 1993. Вып. 3. С. 80–89.

6. Бехтерев С. Л., Сергеев В. И., Трофимченко В. Н., Храмцов А. А. Современные политические процессы в Удмуртской Республике // Проблемы становления многопартийности в республиках Поволжья и Приуралья.

Материалы регионального научно-практического семинара. Чебоксары, 1993. С. 43–51.

7. Бехтерев С. Л. Ижевск. Выборы–98 // Свое дело. Ижевск, 1998. № 3. С. 4.

8. Бехтерев С. Л. Мнение эксперта // Свое дело. Ижевск, 1998. № 5. С. 4.

9. Бехтерев С. Л. Предпринимательство в Удмуртской Республике (некоммерческие объединения) // Свое дело. Ижевск, 1998. № 4. С. 2.

10. Бехтерев С. Л. Становление гражданского общества в Удмуртской Республике // Российское государство: прошлое, настоящее, будущее. Материалы третьей научной конференции. Ижевск, 1998. С. 42–43.

11. Бехтерев С. Л. Республика накануне выборов // Свое дело. Ижевск, 1999. № 11. С. 3–4.

12. Бехтерев С. Л. Перспективы Удмуртской Республики // Свое дело. Ижевск, 2000. № 1. С. 5.

13. Бехтерев С. Л., Крылова А. С. На пути к президентству // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2000. Май-июнь. С. 53–62.

14. Бехтерев С. Л., Крылова А. С. Итоги президентских выборов // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2000. Сентябрь-октябрь. С. 40.

15. Бехтерев С. Л. Конституционная реформа в Удмуртской Республике (1990–2000 гг.) // Российское государство: прошлое, настоящее, будущее. Материалы шестой научной конференции. Ижевск, 2001. С. 34–45.

16. Бехтерев С. Л., Бехтерева Л. Н. Конституционная реформа в Удмуртской Республике (1990–2000 гг.) // Российская государственность: уровни власти. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ижевск, 2001. С. 105–112.

17. Бехтерев С. Л., Крылова А. С. Этнополитическая ситуация // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень № 5. Приволжское отделение. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2001. 16–31 января. С. 24–27.

18. Бехтерев С. Л., Крылова А. С. От выживания – к развитию // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень № 6. Приволжское отделение. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2001. 1–15 февраля. С. 23–25.

19. Бехтерев С. Л., Крылова А. С. Этнополитическая ситуация // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень № 7. Приволжское отделение. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2001. 16–28 февраля. С. 29–31.

20. Бехтерев С. Л., Крылова А. С. Этнополитическая ситуация // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень № 8. Приволжское отделение. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2001. 1–15 марта. С. 44–48.

21. Бехтерев С. Л., Овчинников Г. П. Выборы первого Президента Удмуртской Республики // ЧиновникЪ. Информационно-аналитический вестник Уральской Академии государственной службы. 2001. № 5 (11). С. 8–19.
22. Бехтерев С. Л. Избирательные кампании как механизм толерантности политических элит // Современные социально-политические технологии в сфере формирования толерантного общественного сознания: Материалы VII научно-практической конференции. Ижевск, 2002. С. 49–51.
23. Бехтерев С. Л. Институты политической системы в процессе суверенизации субъектов Российской Федерации (на примере Удмуртской Республики) // Социально-гуманитарные знания. М., 2003. № 6. С. 36–51.
24. Бехтерев С. Л. К вопросу о формировании политической системы современной России (региональный аспект) // Международная политэкономия и политические науки в аспекте глобализации (Российский и американский подходы): Материалы международной научно-практической конференции. Ижевск, 2003. С. 143–145.
25. Бехтерев С. Л. Общественно-государственные структуры как институт политической системы РФ // Актуальные проблемы современной России. Ижевск: Издат. дом «Удмурт. ун-т», 2003. С. 67–80.
26. Бехтерев С. Л. Толерантность как механизм взаимодействия политических элит // Социальная толерантность и межкультурные коммуникации. Ижевск: Издат. дом «Удмурт. ун-т», 2003. С. 65–106.
27. Бехтерев С. Л. Становление института президентства в Удмуртской Республике // Регионология. 2003. № 4. – 2004. № 1. С. 26–33.
28. Бехтерев С. Л. Общество и государство: теория и практика взаимодействия в субъектах Российской Федерации // Гражданское общество и государственные институты в России: взгляд из провинции. Материалы VIII–IX Сафаргалиевских научных чтений. Саранск, 2004. С. 53–63.
29. Бехтерев С. Л. Политическая система современной России: истоки формирования // Шестая российская университетско-академическая научно-практическая конференция: Материалы конференции. Ч. 1. Ижевск, 2004. С. 48–50.
30. Бехтерев С. Л. Правовые основы общественно-государственных отношений в современной России // Шестая российская университетско-академическая научно-практическая конференция: Материалы конференции. Ч. 1. Ижевск, 2004. С. 31–33.
31. Бехтерев С. Л. Национально-культурные объединения современной Удмуртии: проблемы становления и перспективы развития // Материальная и духовная культура народов Урала и Поволжья: история и современность. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Глазов, 2004. С. 3–5.
32. Бехтерев С. Л. Место документов ЦДНИ УР в системе источников по изучению современной политической истории // История Удмуртии XX века в документах ЦДНИ УР. Материалы научно-методического семинара. Ижевск, 2004. С. 20–24.